

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С. АЙНИ

На правах рукописи

КУЛОБИЕВ АБДУЛЛО НИШАНБАЙЕВИЧ

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И
ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор
Салимов Рустам Давлатович

Душанбе – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	11
1.1. Описание результатов критического анализа лингвистических концепций номинативных предложений в русском языке.....	11
1.2. Классификация номинативных предложений в современном русском языке.....	24
1.3. Грамматическая характеристика номинативных предложений русского языка.....	43
1.4. Типы номинативных предложений в современном русском языке.....	48
ГЛАВА 2. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ.....	69
2.1. Описание результатов критического анализа номинативных предложений в таджикском языке.....	69
2.2. Грамматическая характеристика номинативных предложений таджикского языка.....	75
2.3. Типы номинативных предложений в современном таджиком языке.....	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	107
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	112
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	130

ВВЕДЕНИЕ

Номинативное предложение как объект прикладного русского языкознания остаётся предметом обсуждения более полутора лет. За это время система классификации номинативных предложений (как и проблемы предложения в целом) претерпела значительные изменения. Классификация русских предложений за последнее тридцатилетие базируется на семантико-функциональных признаках, сосредоточивающих внимание исследователей на очень важных особенностях речевого акта. Широкую известность имеет учение Н.Ю. Шведовой о парадигме предложения, на основе которого строится и наше исследование.

Несмотря на то, что в нашем понимании учет и анализ парадигматических отношений синтаксических единиц не вызывает никаких сомнений, они трактуются учеными неодинаково. Понятие о парадигме предложения требует определения структурных схем в виде образцов и типов предложения. Каждая схема имеет грамматическое значение и семантическое содержание, характеризующиеся определенной коммуникативной задачей и тем или иным актуальным членением. Эти диалектически связанные понятия служат основой многоаспектного определения важнейшей синтаксической единицы (Н.Ю.Шведова) [165, 89-90].

Каждое предложение имеет синтаксические категории коммуникативности, модальности и предикативности. Критический анализ опубликованных исследований свидетельствует о том, что понимание этих категорий весьма противоречиво [4, 26-34; 5,133-139; 74, 147-153; 102, 152,70-77; 153, 160-162].

Объект предикативности предложения решается синтаксистами многоаспектно и по-разному. В опубликованных научных первоисточниках русского языка имеется три подхода предикативности в предложении:

1) логический подход определяет предикативность как связь между компонентами суждения (субъектом и предикатом, данным и новым или

темой и ремой). Такое описание имеет место в работах И.П. Распопова, О.А. Крыловой-Самойленко [153; 94];

2) грамматический подход определяет предикативность как связь между подлежащим и сказуемым в предложении, такое понимание отражено в работах А.И. Смирницкого и В.Г. Адмони [1; 182]. Следует заметить, что лингвисты логического направления и грамматического считают предикативность решающим признаком предложения;

3) негативный подход отрицает наличие предикативности в предложении. Эту точку зрения в русском языкознании разделяют М.И.Стеблин-Каменский и Г.М.Райхель [191, 133-135;152, 160-162].

Из этих точек зрения на предикативность предложения, в основном, выделяются только два подхода:

1) предикативность предложения определяется отношением к действительности [74,148] и что она может не выражаться в предложении [37, 397];

2) предикативность – это наличие сказуемого в предложении [191,133-135;1,39]. Здесь как будто отмечается противоположность мнений лингвистов. На самом же деле, представители одной точки зрения рассматривают только содержание предикативности, а другой лишь формы выражения предикативности. Г.А. Золотова утверждает, что предложения имеют предикативность потому, что они все отражают действительность, что является средством выражения мысли [74, 148]. Предикативность - это выражение содержания предложения (мысли) и действительности, утверждает В.В. Виноградов [37, 404].

Разноаспектное изучение синтаксических явлений, проявляющееся в наложении логического уровня исследования на грамматический, создаёт впечатление о том, что синтаксис до сих пор является малоизученным уровнем языка. Это во многом объясняется и сугубо объективными трудностями исследования синтаксического объекта: большое количество конкретного лингвистического материала усугубляет правильность его

классификации; связь синтаксиса с разными лингвистическими уровнями (морфологии и лексики), а также в некоторых случаях смешение синтаксиса с логикой. Что касается сопоставительного синтаксиса русского и таджикского языков, то он и поныне остаётся самым неисследованным в сравнительном языкознании. Пока ещё отсутствуют монографические исследования по сопоставительному синтаксису и учебников, учебно-методических пособий односоставного номинативного предложения.

В данное время благодаря научной деятельности Школы сравнительного языкознания русского и таджикского языков профессора Успенской Л.В. выявлены цели и задачи ведения сопоставительного исследования содержательных единиц русского и таджикского языков, методики ведения подобных исследований сопоставительного исследования разных языковых уровней русского и таджикского языков ещё не найден .

Существуют разногласия относительно объекта типологического сопоставления. По этому вопросу академик В.М. Солнцев, по нашему мнению, придерживается самого оптимального воззрения на то, что типологический характер исследования заключается не в количестве изучения языковых объектов, а в самом характере сопоставительного исследования, и что два языка тоже являются типологическим объектом сопоставительного исследования [189, 5-28].

В. Скаличка очень чётко определила цель сопоставительного исследования в выявлении универсалий (то есть общих признаков во всех языках) и характерных признаков только для некоторых языков [177, 3-10].

Н. М. Шанский выделяет методическую роль сопоставления и теоретическую как «всесторонний анализ и тщательную характеристику дифференциального и общего на всех языковых уровнях» [206, 225].

Материалы сопоставительного плана грамматического строя таджикского и русского языков находят место в работах Л.В. Успенской, Р.Л. Неменовой, Г.С. Михайличенко, М.Т. Джабарово́й, Р.Д. Салимова, И.Б. Мошеева и др.

Проблема выявления унифицированных признаков синтаксических явлений и их описание в системах сопоставляемых языков входит в задачи сравнительной типологии.

Лишь критический анализ лингвистического материала номинативных предложений русского и таджикского языков даст возможность выявить сходные и различные признаки теоретического и практического плана [206, 221].

В.В. Виноградов уделял особое внимание сопоставительному исследованию синтаксиса разносистемных языков [34, 28].

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки сопоставительной грамматики русского и таджикского языков, а также необходимостью решения многих спорных вопросов в самой синтаксической науке и, более того, отсутствием фундаментальных исследований по сопоставительному синтаксису номинативных предложений русского и таджикского языков.

Объект данного исследования это структурно-семантическая характеристика номинативных конструкции в русском и таджикском языках в сопоставительном аспекте.

Предмет нашей работы – это изучение синтаксических и семантических признаков номинативных предложений русского и таджикского языков на материале лингвистических переводных текстов русской и таджикской литературы.

Иногда для уточнения структуры или семантики номинативных предложений в таджикском языке мы применяем подстрочный перевод.

Для системного сопоставления структурных и семантических признаков номинативных предложений сопоставляемых языков в процессе анализа мы применяли структурные схемы и парадигмы предложения, свойственные современной синтаксической теории, посредством которых мы определили в таджикском языке соответствия для структурно-семантических типов номинативных предложений русского языка.

В нашем исследовании определены эквиваленты структурно семантических типов номинативных предложений русского языка в таджикском.

Материалом данного исследования составляют выборки номинативных предложений русского и таджикского языков (свыше 3000 примеров).

В процессе работы были использованы концепции углублённого изучения синтактико-семантических конструкций русского языка (О.Б. Сиротинина, Е.С. Скобликова, П.А. Лекант, В.А. Белошапкова, В.В. Бабайцева, Г.А. Золотова, Н.Ю. Шведова и др.); таджикского языка (Б.Н. Ниязмухаммедов, Д. Таджиев, Б. Камоллидинов, М.Н. Касымова, М. Норматов, Ш. Рашидов, Р.Д. Салимов и др.), структурные схемы номинативных односоставных предложений.

Что касается таджикского языка, то в нём учение о предложении сложилось на основе изучения научных работ А.А. Шахматова, А. М. Пешковского и В.В. Виноградова в работах таких таджиковедов, как Б. Н. Ниязмухамедов, Д. Т. Таджиев, М. Н. Касымова, Б. Камолиддинов, М. Норматов, Ш. Рашидов.

Структурно-семантическое направление сопоставительного исследования номинативных предложений русского и таджикского языков необходимо для изучения речевых и языковых средств.

Главный принцип структурно-семантического направления – это принцип системности языкового строя. Система того или иного сопоставляемого языка состоит из взаимосвязанных элементов; ни в одном языке не должно быть явлений вне системы, поэтому многоаспектное изучение синтаксических единиц является весьма существенно [16, 31-32].

Цель нашей диссертационной работы – это изучение и описание типологической специфики номинативных предложений на лингвистическом материале русского и таджикского языков.

В задачи исследования входит:

- определить место номинативных (назывных) предложений в системах современного русского и таджикского языков;
- сравнить особенности классификации назывных предложений в сопоставляемых языках;
- выявить структурно-семантические особенности номинативных предложений в сопоставляемых языках;
- определить основные семантико-функциональные разновидности номинативных предложений в русском и таджикском языках;
- рассмотреть сходство семантико-функциональных разновидностей номинативных предложений в русском и таджикском языках;
- проанализировать способы и языковые средства передачи основного структурного компонента номинативных односоставных предложений в русском и таджикском языках.

Методы исследования. В процессе типологического изучения номинативных предложений русского и таджикского языков применяются: а) сопоставительный анализ структур номинативных предложений русского и таджикского языков; б) парадигматический анализ номинативных предложений; в) синтаксическое моделирование; г) трансформационный анализ номинативных предложений в сопоставляемых языках; д) описательный метод.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые сопоставляются структурно-семантические и функциональные признаки номинативных предложений русского и таджикского языков, осуществлена обстоятельная классификация номинативных предложений в структурно-семантическом плане, изучены семантические и синтаксические типы информации, а также соотносительность их в сопоставляемых языках.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в нём выявлена специфика типологии номинативных предложений в русском и таджикском языках; определены общие, сходные и различительные признаки семантико-функциональных типов назывных

предложений в русском и таджикском языках; составлена классификация семантико-функциональных типов назывных предложений в сопоставляемых языках, что представляет определённый научный вклад в сопоставительное языкознание.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть востребованы при усвоении семантико-функциональных типов назывных предложений русского и таджикского языков, в процессе подготовки учебников и учебных пособий по сопоставительному языкознанию, при разработке программ и учебников по русскому языку для таджикской школы и по таджикскому языку для русской школы Республики Таджикистан, при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров по сопоставительному языкознанию, а также в практике перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для исследуемых языков (в первую очередь – русского и таджикского) характерно наличие в их системе рассматриваемых в данной работе синтаксических конструкций – номинативных (назывных) односоставных предложений.

2. Каждый из анализируемых языков имеет определённый набор типов номинативных предложений, что позволяет построить их классификацию.

3. Специфика исследуемого феномена обусловлена грамматическим синтетическим и флективно-аналитическим строем анализируемых языков.

4. Каждая семантико-функциональная разновидность номинативных предложений характеризуется своими структурными признаками, сферой употребления и стилистическими особенностями.

5. Особое значение для классификации номинативных предложений имеют, помимо семантических факторов, также контекстуально-речевые, стилистические и коммуникативно-информативные.

6. Структурно-семантическая специфика исследуемого феномена характеризуется рядом признаков на уровне языковых универсалий.

Апробация работы и внедрение её результатов. Содержание диссертации излагалось в виде докладов на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания Таджикского государственного педагогического университета имени С.Айни, на ежегодных научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского государственного педагогического университета; на Республиканской научно-практической конференции «Молодёжь и современная наука» (2014); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы русской филологии и лингводидактики в Центрально-Азиатском регионе» (РТСУ, 2015).

Результаты диссертационного исследования были апробированы на заседаниях кафедры современного русского языка и общего языкознания Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (протокол № 9 от 27 май 2014года).

Диссертация также обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры русского языка с участием специалистов кафедры таджикского языка и Российско-Таджикского (славянского) университета (протокол № 3 от 31. 10.2014).

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, 2 глав, заключения, списка использованной литературы и источников иллюстративного материала.

ГЛАВА 1. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Описание результатов критического анализа лингвистических концепций номинативных предложений в русском языке

Номинативные предложения - это один из типов односоставных синтаксических конструкций.

Все такие конструкции поначалу входили в понятие предложение, которое, между прочим, было своеобразным синонимом свободного словосочетания не только двусоставного, но и широко развёрнутого (даже и до сложного предложения).

Термин номинативное предложение имеет место уже в грамматике Александра Христофоровича Востокова. Однако сам вопрос о номинативных предложениях до наших дней останется весьма дискуссионным.

Отдельные вопросы номинативных предложений: грамматическое значение, специфика стилистического употребления в речи (этого требовала риторика как наука), происхождение, строение предложения – освещались в трудах К.А.Аксакова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, Ф.И. Буслаева, А.М. Пешковского и др. Самую значительную теоретическую работу осуществил А.А. Шахматов. Он ввёл в науку систему терминологии односоставных предложений русского языка и классификацию, куда входили и номинативные предложения.

Во второй половине 20 века в работах Е.М. Галкиной-Федорук, Е.С.Арутюновой, В.В. Бабайцевой, А.Г. Руднева, П.А. Леканта усовершенствовали грамматическую систему и семантические группы номинативных предложений. Несмотря на это, даже и в данное время вопрос о номинативных предложениях остаётся дискуссионным.

Так, например, В.С. Юрченко в статье «Односоставные предложения», опубликованной в журнале «Русский язык в школе», номинативные предложения в системе односоставных называет квазиодносоставными.

«Предложения с главным членом в форме подлежащего (именительный падеж существительного) в русском языке представлены одним типом – номинативными, или назывными предложениями. Они занимают особое положение в системе синтаксиса, их нельзя ставить в один ряд с теми односоставными, главный член которых выступает в форме сказуемого. Номинативные предложения не имеют подлинной односоставности, это квазидносоставные предложения: односоставными они являются только в настоящем времени, а в прошедшем и будущем содержат глагол-сказуемое и традиционно-рассматриваются как двусоставные предложения». Автор приводит примеры: Зима. – Была зима. Будет зима» [215, 62]. Насколько известно, ещё в начале 20 века эти предложения были выделены академиком А.А. Шахматовым, да и в настоящее время они находят отражение в академических грамматиках русского языка, в вузовских и школьных учебниках по русскому языку, в ряде диссертационных работ и никакой иной традиции здесь нет. Более того, они выделяются в качестве самостоятельного структурно-семантического типа односоставных предложений в синтаксисе многих языков [58; 128; 131; 158; 163; 203].

Односоставные номинативные предложения в 20 веке описываются в академических грамматиках русского языка, в вузовских учебниках и даже в школьных. Номинативные предложения как односоставные имеются и в иностранных языках: в китайском, японском и др. [86, 51].

Такого же мнения придерживается и Е.С. Седельников пользуясь другими новыми модными терминами (синтаксические и парадигматические отношения) и аналогичными примерами: *Жара, Жара была, Жара будет, Жара была бы, Пусть будет жара* [174,73].

Он считает их двусоставными предложениями с нулевой формой глагольного сказуемого настоящего времени [174,73]. К ним присоединяется М. В. Панов, используя понятие полнозначного глагола *быть*, который, по его мнению, не «опущен», а наличествует. Для доказательства у него

аналогичные примеры: Была тёплая, ясная ночь – Тёплая, ясная ночь [133,107].

По парадигме аналогичных предложений *Ночь. – Была ночь. – Будет ночь. – Была бы ночь. – Если бы была ночь! – Пусть будет ночь*, в которых все формы являются, кроме исходной (первой), двусоставными предложениями, первое предложение тоже должно быть двусоставным (с нулевым глаголом) доказывает В.А.Ицкович.

В составной парадигме в настоящем времени указывается нулевой член знаком #: *Ночь #. – Была ночь. – Будет ночь. – Была бы ночь. – Если бы была ночь!* [79, 138].

Номинативное предложение с нулевым сказуемым считают А. С. Попов и авторы пражской «Русской грамматики»: особая разновидность [144,107, 166, 686].

Однако известный японский лингвист М. Киэда, анализируя разные точки зрения на природу односоставных, или, как он их называет, одночленных предложений, в том числе интересующих нас номинативных предложений, вопрошает: «Как же быть с такими выражениями, как *Мёнару фуэ-но ото ё. – Какие прекрасные звуки флейты!* (яп. яз); *A capital idea! – Превосходная мысль! Poor little Ann!-Бедная крошка Энн! Special edition! – Экстренный выпуск!* (англ. яз). *A wretched business!* (John Galswothy. The Forsyte saga, p. 127) - *Тяжёлая история!* (Джон Голсуорси. Сага о Форсайтах, с.106). *What a poor miserable place* (John Galswothy. The Forsyte saga, p.126) – *Какой жалкий домишко!* (Джон Голсуорси. Сага о Форсайтах, с.105). *Poor old Uncle Swithin* (John Galswothy. The Forsyte saga, p. 156). - *Бедный дядя Суизин* (Джон Голсуорси. Сага о Форсайтах, с. 133).

Подобные высказывания, без всякого разграничения подлежащего и сказуемого, полностью выражают мысль. Кто бы их ни слушал, в уме у слушателя они вызовут примерно ту же самую мысль, какую высказывает говорящий. Значит, с точки зрения формы – это полноценные фразы [92, 48].

Он приводит следующие примеры для более аргументированного утверждения.

«**Фуруикэя.** *Кавадзу тобикому мидзу-но ото* (Басё). – **О старый пруд!** *Всплеск воды* (когда) *прыгает лягушка*. Кто может сказать, что здесь эллипсис какого-либо члена предложения? Кто может лучше передать этот момент, эту ситуацию? Разве это не единственная, не совершенная форма выражения, не допускающая ни прибавления, ни изменения, ни одного лишнего слова, ни одного лишнего звука? И если грамматика должна сказать: «Здесь эллипсис такого-то члена предложения», - то грамматика мертвенна и оторвана от действительности» [86, 51].

Специфика модально-временного плана обусловила имеющее место быть мнение ряда лингвистов о том, что парадигма номинативных предложений представлена только одной временной формой – формой настоящего времени и реальной модальностью. Именно постоянное модально-временное значение традиционно выделяемых номинативных предложений (а это их конститутивный признак), не допускает парадигматических изменений по наклонениям и временам. Предложения типа *Была зима; Было воскресенье*, по мнению, например, А. В. Бондарко, представляют собой «особый тип предложений, а не элемент той же синтаксической парадигмы, к которой относятся конструкции типа *Зима*». В подтверждение своей позиции, учёный обращает внимание на отсутствие регулярной соотносительности конструкций без глагола *быть* и с этим глаголом в форме прошедшего времени. Ср. искусственность речений типа *Была степь; Был парк; Была тоска* и т. п. Отсюда и резюме: «Что до предложений, как *была зима, будет мороз*, то они должны быть признаны предложениями двусоставными: *зима, мороз* – подлежащие, *была, будет* – сказуемые, причём глагол означает наличность в прошедшем или будущем» [25, 66].

Этот же подход к предложениям типа *Была зима* ранее был высказан А. А. Шахматовым в его известном «Синтаксисе русского языка». Обосновывая

свою точку зрения, он писал: «Предложения, как *зима, мороз, пожар*, выражающие наличность названных явлений или предметов в настоящее время, в настоящую минуту, мы признали односоставными и притом полными, так как у нас нет оснований для определения их как двусоставные предложения нарушенные (с пропуском того или иного сказуемого). Что до предложений, как *была зима, будет зима*, то они должны быть признаны предложениями двусоставными: *зима, мороз* – подлежащие, *была, будет* – сказуемые, причём глагол означает наличность в прошедшем или будущем. ...если бы исторически указанные предложения даже и восходили к *зима есть, мороз есть*, то в настоящее время они все-таки могут быть рассматриваемы как односоставные предложения, ибо для полноты их значения не требуется вставки 3-го лица единственного числа глагола *есть*; во-вторых, сама грамматическая форма этих предложений, их ударение, их сопровождаемое эмфазой произношение с очевидностью отделяет их, как предложения односоставные от двусоставных предложений, подобных таким, как *была зима, будет мороз*; для выражения наличности в настоящем времени, по-видимому, исконное имя сопровождалось эмфазой, что делало лишним его расчленение; для выражения же наличности в прошедшем или будущем требовалось расчленение слова-предложения в предложение двусоставное...» [207, 51-52].

Аналогичная точка зрения на данные разновидности предложений представлена и авторами академической «Грамматики русского языка» 1954 года, она же предлагается в вузовских и школьных учебниках.

Однако в русской лингвистике общепринятой квалификации предложения типа *Была зима* не получили. Противоречивостью отличается подход к лингвистическому статусу рассматриваемых предложений, например, Н. Ю. Шведовой. Так, в теоретических «Основах построения описательной грамматики современного русского языка» предложения типа *Была зима* она относит к двусоставным со смешанной парадигмой, объясняя это следующим образом: «К предложениям со смешанной полной

парадигмой относятся все так называемые номинативные предложения. В форме настоящего индикатива эти предложения выступают как исходный член парадигмы; в формах прошедшего и будущего времени и ирреальных наклонений в роли членов парадигмы здесь выступают двусоставные предложения с формами быть в роли сказуемого: *Зима – Была зима – Будет зима*. [208, 152].

В «Грамматике современного русского литературного языка» при описании структурной схемы N_{N_1} типа *Ночь, Тишина* Н. Ю. Шведова фактически признаёт за предложениями, вербализующими указанную структурную схему, статус односоставных предложений. «В прошедшем и будущем временах и в ирреальных наклонениях в составе предложений схемы N_{N_1} , – пишет она, – появляются формы вспомогательного глагола быть, а в реализациях с полусвязочными глаголами – формы этих глаголов: *Была, будет ночь, Делается тишина* и т.п. Однако такие изменения не делают эти предложения двусоставными, т. к. между именем и глаголом при этом не устанавливается отношений признака и его носителя, и глагол является служебным синтаксическим формантом – показателем временной отнесённости или временных изменений» [55, 560].

В «Русской грамматике» номинативные предложения также рассматриваются как односоставные, построенные по структурной схеме N_1 , с восьмичленной парадигмой, включающей формы синтаксического индикатива и синтаксических ирреальных наклонений, таким образом, по мнению Н. Ю. Шведовой предложения типа *Была ночь; Будет ночь* входят в парадигму номинативного предложения в качестве варианта структурной схемы N_1 [165, 358 – 368].

О нерасчленённости предложений типа *Была зима* ранее говорил и В. В. Виноградов: «Предложение *Была зима* – для современного сознания так же одночленно, как *Зима*. Это – простое название явления, относимого к прошлому, простая констатация явления в прошлом. Ср.: *Вечер был. Сверкали звёзды. На дворе мороз трещал*», – писал он. По мнению В.В.

Виноградова, в таких предложениях «ничто не говорит о синтаксической расчлененности на подлежащее и сказуемое» [38, 404-405].

Сказанное позволяет группе лингвистов признать глагольную форму в предложениях типа *Был мороз* синтаксическим формантом, делексикализованной лексемой, которая выражает только грамматические категории времени и наклонения, не внося ничего в номинативное значение предложения. «В высказывании *Был мороз* глагол выполняет ту же роль, что и в предложении *Было морозно*. В обоих случаях его функция равна функции морфемы прошедшего времени в предложении *Морозило*», – утверждают авторы фундаментального академического труда «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» [126, 314 – 315].

Дискуссионным остаётся также вопрос о главном члене номинативных предложений. Одни ученые (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский) квалифицируют главный член номинативных предложений как сказуемое, другие (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский, В.В.Бабайцева, А.Н.Гвоздев) считают главный член номинативных предложений подлежащим, третьи (Н.Ю. Шведова, В.А.Белошапкина, Е.С.Скобликова) не называют главный член ни сказуемым, ни подлежащим, четвёртые (А.А. Шахматов, Е.М. Галкина-Федорук) разграничивают подлежащие и сказуемые номинативные предложения.

В связи с дискуссионностью относительно главного члена номинативных предложений авторы некоторых работ предлагают использовать «безымянный термин» - главный член односоставного предложения. Тем не менее, эта точка зрения современной синтаксической наукой не взята на вооружение. Следует отметить, что во многих ныне действующих учебниках в разделе «Синтаксис» главный член односоставного номинативного предложения именуется как подлежащее (В. В. Бабайцева, А. Н. Гвоздев, Руднев и др.).

Так, А.А. Потебня в своём фундаментальном труде «Из записок по русской грамматике» рекомендовал определять синтаксическую функцию единственного именительного падежа с опорой на контекст, который позволит квалифицировать его либо как подлежащее, либо как сказуемое. Он писал: «Так в случаях, когда на лицо в предложении только именительный существительного, мы по контексту различаем, стоит ли этот падеж как подлежащее с недоговоренным сказуемым или как предикативный атрибут, часть составного сказуемого с подразумеваемым подлежащим и глаголом (связкою) [145, 79]

Ф.Ф. Фортунатов, подходя к предложению как выражению психологического суждения в речи, номинативные предложения считал неполными, а образующую их словоформу также называл сказуемым. Он писал: «Например, слово *пожар*, и притом не только в восклицании, под влиянием испытываемых мною чувствований, но и в речи спокойной, может употребляться как предложение, именно как неполное предложение; в психологическом суждении, выражающемся в этом предложении в речи, психологическим подлежащим является, например, представление того пламени, дыма, которые я только что видел, а в психологическое сказуемое, во вторую часть той же мысли, входит представление слова *пожар*. Совершенно так же, понятно, и другие слова могут быть выражением в речи психологических сказуемых в тех психологических суждениях, или предложениях в мысли, которые имеют психологическими подлежащими непосредственные представления известных предметов; например, каждое из таких слов, как дом, лампа, дерево, птица и т. д. может являться в речи предложением, именно предложением неполным в указанном смысле этого термина» [202, 450 – 451].

Позиция К. С. Аксакова относительно именительного падежа в структуре номинативного предложения представляется достаточно отчётливой, когда он, не соглашаясь с точкой зрения Ф. И. Буслаева о

возможном опущении подразумеваемого глагола есть в номинативных предложениях, говорит о самодостаточности именительного падежа в обозначении вещи своим именем: «Для чего здесь предполагать: есть? Если глагол есть тут подразумевается, то, пожалуй, настолько, насколько при каждом предмете подразумевается бытие; но идея бытия здесь включается в само понятие предмета, не выделяется из него; следовательно, слово подразумевается, в этом случае, будет неверно». «Это всё равно, – продолжает он свою мысль, – как если бы, взглянув в окно и увидев падающий дождь, вы сказали просто: дождь. Что? Подразумевается здесь глагол есть или нет? Мы думаем, что нет. Это просто название вещи своим именем. – Про вчерашний день (про прошедшее) вы можете и должны употребить глагол и скажете был дождь; про завтрашний день (про будущее): будет дождь. Потому что здесь вы не просто называете предмет своим именем – ибо самого предмета нет перед вами, – а хотите указать на отношение существования предмета к той минуте, в которой вы находитесь: вы в одном случае вспоминаете, в другом – воображаете его. Глагол здесь, очевидно, становится необходимым», – приходит он к заключению [3, 538].

Д. Н. Овсяннико-Куликовский именительный номинативных предложений квалифицировал как подлежащее. Анализируя строки стихотворения А. А. Фета:

«Шёпот, робкое дыханье,

Трели соловья,

Серебро и колыханье

Сонного ручья...»,

он писал: «Не вставляя глаголов (что испортило бы всё стихотворение), мы, однако, сопровождаем эти существительные умственным ощущением глагольной сказуемости – потому только, что они даны нам как подлежащие» [127, 54].

И. Ф. Анненский, напротив, считал именительный номинативного предложения сказуемым.

В статье, посвящённой «Синтаксису русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского, при интерпретации того же стихотворения он писал: «Подлежащим я считаю не названное, но живое ощущение ночи. Поэт разбирается в нём мало-помалу и по мере этого предсказывает своё ощущение. Будь перед нами субъекты, они были бы даны для предсказания, и стихотворение потеряло бы не только прелесть, но и смысл»[7, 226].

Самым странным представляется то, что дискуссионной является синтаксическая функция одной и той же формы именительного падежа в номинативном предложении, если даже анализируется один и тот же стихотворный объект. Для В.А. Богорицкого, Л.А. Булаховского и других он является подлежащим, для И.Ф. Анненского - сказуемым.

Д.Н. Овсянико-Куликовский определяет синтаксическую функцию именительного падежа не с грамматической точки зрения, а посредством собственного психического восприятия акта речи [7, 226].

В монографии «Суждение и предложение» и в учебнике «Современный русский язык» Е.М. Галкина-Федорук выделяет подлежащие и сказуемые типы номинативных предложений [188, 36], характеризующиеся различиями интонации (подлежащие номинативные предложения: ровная интонация и понижение тона, перечислительная интонация в «цепочных» номинативных предложениях *Вечер. Занятия кончаются. Скоро ужин* (Помяловский); *Ночь. Землянка. Фитилёк разгорелся еле-еле* (Антокольский).

Сказуемые номинативные предложения выделяются оценочным значением: *Разглядеть, кто они, на таком расстоянии было трудно, но судя по тому, что кони скакали вразброд, Яковенко сразу решил, что местные. – Кулачъё, – презрительно сказал он...* (Кремлев, Солдаты революции); ответ на вопрос: *Кто там? – Девочки! – Какие девочки? Верно, девочки*; выражение мысли явления, которое не было названо словом: *Вот... не чаяли не гадали, в тылу немецком оказались. Ну что же, война* (Симонов); результативное обобщение сказанного раньше: *Дети всё*

время на улице, могут играть весь день, забывая о еде. – Ну что же, – детство. Он отрёкся от старого товарища. – Подлец (Писемский) [47,40-50]).

В академической «Грамматике современного русского литературного языка» номинативные предложения характеризуются структурной схемой, NN₁ с примерами *Зима; Мороз; Воскресенье; Война; Тишина; Крик; Звонок! Лето; Война!*, а в «Русской грамматике» – эта схема: N1 с примерами: *Ночь; Тишина; Ссора; Обморок* [165, 358].

Е.С. Скобликова в след за А.А. Шахматовым признаёт необходимым термин «главный член», в номинативных предложениях потому, что он грамматически одинаков, однако не является носителем признака, как в двусоставных предложениях. Это своеобразный признак. В то же время автор считает, что признаковая семантика не сочетается со связкой *быть*, не имеет модально-временных значений: отношение к действительности выражается интонационно, ср.: *Пожар!* и *Пожар?*; *Казаки!* и *Казаки?* и под [179, 162- 163].

Академик А.А. Шахматов квалифицирует номинативные предложения русского языка как *бессказуемо-подлежащные* «Как всякое другое предложение, односоставные соответствуют коммуникации, сочетавшей представление о субъекте с представлением о предикате; такое соответствие обнаруживается между составом всего предложения и коммуникацией; но отсюда следует, что главный член односоставного предложения сам по себе соответствует такому же сочетанию субъекта с предикатом. Сравнительно со способами словесного выражения главных членов в двусоставных предложениях, главный член односоставного предложения может быть отождествлён формально или с подлежащим, или со сказуемым, причём, конечно, не следует забывать, что такое “сказуемое” отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что “подлежащее”

односоставного предложения вызывает представление и о субъекте и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту». Поэтому «член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовём главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях таким образом не нашло словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации, двучленной коммуникации соответствует односоставное (нередко одночленное, односоставное) предложение». Впрочем, отмеченная специфика главного члена односоставных предложений не помешала А. А. Шахматову описывать номинативные предложения в разделе «бесказуемо-подлежащих», что позволяет предположить, что именительный падеж номинативных предложений он всё-таки считает подлежащим (формальным, но подлежащим), хотя этого термина при характеристике главного члена номинативного предложения он не использует. По его мнению, номинативные предложения представляют собой «сочетание субъекта с таким предикатом, который соответствует представлению о бытии, наличности, появлении данного субъекта» [207, 260-261].

В. А. Белошапкина термин «главный член односоставного предложения» называет «третьим главным членом предложения» [184,423]. В. В. Бабайцева утверждает, что главный член нельзя дифференцировать при отсутствии чёткой логико-синтаксической членности, хотя она склонна признать за ним семантику подлежащего [13, 120].

В. В. Бабайцева, отмечая многофункциональность именительного падежа в номинативном предложении, а отсюда его синтаксическую неоднозначность и невозможность определить его синтаксическую роль, исходя лишь из грамматических показателей, считает необходимым учитывать характер выражаемой мысли и коммуникативные задачи предложения. «В одних случаях он сближается с подлежащим, в других – со

сказуемым. Кроме того, – по мнению В. В. Бабайцевой, – главный член нельзя квалифицировать, если предложение не имеет чёткой логико-синтаксической членимости». Однако признание парадигматического ряда *Жара. – Жара была. – Жара будет. – Жара была бы. – Пусть будет жара* позволило ей рассматривать этот ряд как одно из подтверждений «подлежащей» роли существительного [13, 120].

«Ревизия» традиционного учения о видах односоставных предложений, – отмечает А.К. Федоров, – мало что дает для познания грамматической сущности данных конструкций, хотя она и заставляет внимательнее рассмотреть причины наличия некоторых противоречий в традиционной классификации и искать пути устранения этих противоречий» [200, 134].

Критический обзор научных первоисточников свидетельствуют о том, что в русской синтаксической науке вопрос о номинативных предложениях до сих пор остается нерешенным.

Отнесение номинативных предложений к безглагольным, а также их классификация в языкознании определялись господством вербоцентрических теорий, согласно которым центральным элементом любого высказывания является глагол, а любая безглагольная конструкция считается ущербной, безглагольной реализацией предложения, строящегося с учётом глагола-сказуемого.

Наш лингвистический эксперимент показывает, что отсутствие глагола в некоторых предложениях имеет системную языковую природу. К числу принципиально безглагольных конструкций относятся, по нашему мнению, номинативные предложения .

Номинативными являются такие односоставные предложения, главный член которых выражен именем существительным или субстантивированной частью речи в именительном падеже. Главный член может быть выражен и словосочетанием, но господствующее слово в нем должно иметь обязательно форму именительного падежа.

Разногласия в классификации русских односоставных предложений объясняются рядом причин: разноаспектностью анализа, принадлежностью авторов к разным лингвистическим школам.

В научной и учебно-методической литературе практикуются два типа лингвистических терминов для обозначения номинативных терминов: номинативные и назывные предложения, которые различаются лишь тем, что первый термин (номинативный) имеет отношение к способу выражения главного члена данного типа предложений именами, а второй (назывные) обозначает семантические особенности главного компонента предложения (называть предметы мысли).

Программы школьных учебников содержат бытийные предложения, а указательные, оценочно-бытийные, побудительно-пожелательные, собственно-назывные и «именительный представления» - не являются объектом изучения.

Итак, номинативные предложения характеризуются наличием главного члена в форме независимого существительного (или его заменителя), которые с атрибутивным компонентом обозначают смысл единичного акта речи.

1.2. Классификация номинативных предложений в современном русском языке

В современном русском языкознании последнего времени имеют место значительные различия в определении объёма объекта номинативных предложений: узкий и широкий. Узкий объект состава номинативных предложений содержит выражение наличия предмета (явления), обозначенного главным членом предложения - существительным в именительном падеже или количественно-именным сочетанием, именем числительным, личным местоимением в исходном падеже: Весна. Из-за Зеленой Стены, с диких невидимых ранин, ветер несёт желтую

медовую пыль каких-то цветов (Замятин. Мы, с.308). Тишина. Капли о камень. Куковерков на коленях, его голова у Тали в руках – вот так, обеими руками, крепко сжать эту голова и не дыша смотреть ещё, ещё – чтобы запомнить его на всю жизнь (Замятин. Рассказ о самом главном, с.222). На прорву я приезжаю на лодке. Со мной *палатка, топор, фонарь, рюкзак с продуктами, саперная лопатка, немного посуды, табак, спички и рыболовные принадлежности: удочки, донки, переметы, жерлицы и, самое главное, банка с червяками- подлистниками*. Их я собираю в старом саду под кучами палых листьев (Паустовский. Мещорская сторона, с.192). Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят. *Серенькая погода, оттепель* (Шмелев. Лето господне, с. 283). Я открываю форточку. Ах, весна! *Такая теплынь и свежесть!* (Шмелев. Лето господне, с. 301). *Солнце, трезвон и гомон*. Весь двор наш - праздник (Шмелев. Лето господне, с.338). Мы выежаем. *Восьмой час зимнего утра* (Б.Зайцев.Голубая звезда, с.21). «Эй, товарищ, как к Рязанскому? Все Русь и Русь. Рязань, Тамбов, Саратов, все спешат домой, подальше от окопов, смерти хладной, голода. *Грязь, вши, мрак. Грязь, хлад в Москве, стон, вой и мерзость и в вагонах тех*, куда спешат, стремятся на родину – в ту же мразь беспроцветную (Б.Зайцев. Голубая звезда, с.164). Вспыхнет электричество в четыре, в шесть пагаснет. *Тьма. Снежок, Хладные улицы, зеленые огни*. У меня жена тоже была из еврейской семьи, я за нее не дам мизинца этой Фриды. *Какая осанка! Достоинство!* Это че-ло-век! *Жена, мать, хозяйка дома* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.300). *Смоленский! Средоточие Москвы, знамя политики, сердце всех баб, солдат и спекулянтов, родина слухов, гнездо фронды, суета, базар, печаль, ничтожество и безобразие убогой жизни*. Кишит толпа, вечно кишит, с утра до вечера (Б.Зайцев. Голубая звезда, с.172).

Такой объект состава номинативных предложений сложился традиционно. Этот состав номинативных предложений характеризуется семантическими и грамматическими особенностями, присущими этому типу, дифференцирующими их от других типов предложений.

Содержательную специфику номинативных предложений составляет бытийность (экзистенциональность) предметов и явлений в пространстве, воспринимаемых зрителем (наблюдателем): Как легко идти! *Белое небо, белый снег порхающий, белая жизнь, белая душа.* И летит бойкий автомобиль, трамвай гремит. А навстречу ему баба, впряжена в рекламу. На тележке надписи. Там и актеры, пение и кабаре. *Падвалы, радость* (Б.Зайцев. Голубая звезда, с.173). *Сумерки, Церковь Николая Плотника* (Б.Зайцев. Голубая звезда, с.175).

В них явления окружающего мира воспринимаются наблюдателем зрительно: Тишина. Пшенная каша. Рога нацелены на стерлигова (Замятин. Икс, с.242). Каша. Тишина. Шёлк дождя за открытым окном. Запах сирени, проникающий даже сюда без всяких пропусков. В ложах подворотней на улице Розы Люксембург публика всё ещё ждет хоть коротенького сухого антракта (Замятин. Икс, с.242).

Объект в номинативных предложениях характеризуется морфологическими и синтаксическими формами. Морфологически бытийность включает объекты восприятия. Синтаксический способ выражения бытийности - это независимая номинативная форма. Временной план номинативных предложений – это **время** восприятия мира наблюдателем, а также **временная** информации об объекте: *Два обычных парикмахерских кресла, мастера в белых халатах, хотя в сапогах, и лица у них, как у московских мастеров, сурово предупредительные парикмахерские лица* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.189). *Невиданная ещё без солнечного света роса в душистой высокой конопле,* из которой выбраны были уже замашки, мочила ногу и блузу (Л.Толстой. Анна Каренина, с.161). Нет! Об этой ночи словами не расскажешь! *Наглый, колдовской месяц, сводник влюбленных, друг мертвецов, покровитель лунатиков, одуряющий запах ночной фиалки и ее безумно жаждущего тела, зеленые и красные огни в ее зрачках* (Куприн. Ночная фиалка, с.389).

При этом, время восприятия объекта наблюдателем и время информации о нём совпадают, что и ограничивает структуру номинативных предложений планом настоящего времени:

Сиянье дальних океанов, древние наречия, озера, тонкий свет пейзажа, поля риса и монастыри буддистов, перезвон невидимых колоколов и легкий танец радости и сонный плеск весла бамбукового. Лепестки вишен, падающие в фарфоровую чашечку вина золотистого (Б.Зайцев. Голубая звезда, с.170). *Короткая, в три восьмых, пауза, заполненная смесью колокола с интернационалом. Когда три восьмых прошло, дьякон издали – за сто верст – услышал сквозь дым...* (Замятин. Икс, 244).

В русской синтаксической науке существуют различные взгляды относительно классификации номинативных предложений, так как в состав классического номинативного предложения, кроме именительного падежа, включались различной формы его определители: *Ну вот и умница...* (Куприн. Юнкера, с.94). *Он указал перстом и говорит: «Какой отличный почерк...* (Куприн. Царский писарь, с.355). *Вот и я* (Горький. Дачники, с.195). *Ах, какой мерзавец!* (Горький. Враги, с.560). *Что за выходки?* (Горький. Враги, с.560) *Какие у него всё понимающие, грустно-ласковые глаза* (Горький. Враги, с.550). *Вот он* (Горький. Враги, с.516). *Какой гордый испанец!* (Горький. Враги, с.504). *Добрый день! Как чувствуется себя?* (Горький. Враги, с.496). *Доброу утро, Яков Иванович!* (Горький. Враги, с.490). *Вот тебе и закон!* (Горький. Враги, с.487). *Нет! Об этой ночи словами не расскажешь! Наглый, колдовской месяц, сводник влюбленных, друг мертвецов, покровитель лунатиков, одуряющий запах ночной фиалки и ее безумно жаждущего тела, зеленые и красные огни в ее зрачках* (Куприн. Ночная фиалка, с.389). *Вот забавная и вместе с тем трогательная деталь* (Куприн. Москва родная, с.396). *Самый конец августа, число, должно быть, тридцатое или тридцать первое* (Куприн. Юнкера, с.50). *Вот наша жизнь: пустая квартира с чехлами и небольшой чемоданчик для странствия* (А.Толстой. О литературе и искусстве, с. 418). *А помнишь, Март:*

открытое окно, зеленое небо – и снизу, из другого мира – шарманщик? Шарманщик, чудесный шарманщик – где ты? (Е. Замятин. Пещера, с. 189). Такая жалость! (Паустовский. Телеграмма, с. 280). - Ох и вредный! – сказал мальчик с укором (Паустовский. Во глубине России, с. 283). Ой, какие цветы! – закричала Маша (Паустовский. Во глубине России, с. 285). И вот рейд (Паустовский. Кара-Бугаз, с.63). Вот фосфорит (Паустовский. Кара-Бугаз, с. 70). Я самого Кутузова видел. Полководца! Одноглазый генерал. Облик львиный (Паустовский. Разливы рек, с.213). Входите на заводской двор и напрасно ищите неизменных признаков завода тяжелой индустрии, - кучи ржавого лома, горы угля, закопченные мрачные окна, трубы, ржавая грязь... Какое прекрасное утро! (Чехов. Мужики, с. 207).

Модифицирующим средством определения структурно – семантических типов номинативных предложений являются частицы и междометия. Например: – *Ах, ах, ширазские соловьи и розы Хорасана! Ах, Зюлейка, лилия иранских долин! (Паустовский, Кара-Бугаз, с.43). - Фу, какое недоразумение! (Куприн. Поединок, с. 354). Какая бездна тайны! Какое наслаждение и какое острое, сладкое страдание! – вдруг воскликнул восторженно Назанский (Куприн. Поединок, с. 348).*

Модифицирующие частицы и междометия в структуре номинативных предложений влияют на их семантику, определяя его функциональную разновидность.

Распространители способствуют изменению семантики номинативного предложения и функциональной разновидности.

В этом отношении классические номинативные предложения составляют 1) бытийные; 2) указательные; 3) оценочно-бытийные группы.

В современном языке в классификации Т.Г. Почтенной имеется только две группы номинативных предложений: бытийные и указательные: *Аэроклуб. Военная школа. Служба в Сибири, в Карелии, на Дальнем Востоке; Середина апреля; Вот несгораемый шкаф с секретными документами, вот телефон для разговора с Москвой [149, 30].*

К.А. Рогова по признакам семантики и структуры в номинативных предложениях тоже выявляет две: бытийные (описательные) и указательные группы [162, 40]: *Завтрак. Две страницы комментариев к «Завету». Полчаса – в парке... Посещение больных* (Замятин. Африка, с. 97). *Белая под луною пыль. Над забором – черная острая ветка в небе* (Замятин, Рассказ о самом главном, с. 214). *Собаки, луна, пыль. С выгона – полынный, горький ветер, сохнут губы* (Замятин, Рассказ о самом главном, с. 214). *Тишина. Свеча, нагорая, трещит* (Замятин, Рассказ о самом главном, с. 215). *Глубокий вечер. Я сижу в мастерской, пустой и гулкой* (Шмелев. *Лето господне*, с. 388). *Крещенский вечер. Наши уехали в театры...* (Шмелев. *Лето господне*, с. 405). *Солнце, песок, черномазые арабы, песок, верблюды, пальмы, песок, кактусы* (Замятин. Африка, с. 258). *Моя комната. Еще зеленое, застывшее утро* (Замятин. *Мы*, с. 373). *Звонок. День. Все это, не умирая, не исчезая – только прикрито дневным светом; как видимые предметы, не умирая - к ночи прикриты ночной тьмой* (Замятин. *Мы*, с. 374).

Она описывает также и группу оценочно-бытийных предложений с восклицательными частицами какой, такой, что за и т.п. Они выражают оценку: *Поражаешься силе земли. Слой ее тонкий, и какое буйство лесов, трав, цветов!* [162, 42].

Структурный признак этой группы составляют указательные частицы *вот (вот и), вон, а вот*, указывающих обнаружение предмета. Указательные номинативные предложения свойственны разговорной речи, а при имитации разговорной речи они используются и в художественных текстах: *Вот ваше убежище* (Паустовский. *Карабугаз*, с. 29). *Вот деньги* (Булгаков. *Мастер и Маргарита*, с.307). *Вот оно, существование наше, - повторил дед* (Паустовский. *Мещорская сторона*, с. 178). *–Вот клятый иуда!* – сказала она (Паустовский. *Разливы рек*, с. 226). *Вот и опять тяжело-жаркий, дремучий послеполудень. Белые плиты на монастырской дорожке. Липовая аллея, жуужжанье пчёл. Впереди, Евсей, в черном клобуке, с приквашенными лохмами: нынче ему черед вечерню служить* (Е. Замятин. *Уездное*, с. 55).

Вон-вон она! (Е. Замятин. Мамай, с. 185). *Вот беда!* – сказал Григ (Паустовский. Корзина с еловыми шишками, с. 292). *Вот в основных чертах главные точки моего доклада* (Паустовский. Кара–Бугаз, с. 53). *Вот вам и сыре для Кара-Бугаза* (Паустовский. Кара-Бугаз, с. 71). *Вот письмо* (Булгаков. Морфий, с. 418).

И.П. Распопов и А.М. Ломов в «Основах русской грамматики» высказывают сомнение в том, что указательные номинативные предложения с указательными частицами **ВОТ** и **ВОН** местоименного характера функционально похожи на указательные местоимения **это**, **то** (потому что они способны быть заместителями подлежащего при именном сказуемом), а также с локальными наречиями **здесь** и **там**.

Авторы высказывают мнения, что такие предложения имеют редуцированные сказуемые со значением местонахождения (ср. *Здесь мельница, Здесь лещик; Там радуга*) [156, 240-241].

В синтаксисе А.Н.Гвоздева есть три группы номинативных предложений: бытийные, указательные и эмоционально окрашенные (оценочно – бытийные) [50, 81-82]. Эта классификация есть и в «Современном русском языке [186,50].

Л.А. Дерибас и К.И. Мишина в учебном пособии «Типы предложений в русском языке» называют более уточненные структурно-семантические типы номинативных предложений: собственно-бытийные, указательно-бытийные и оценочно-бытийные [59, 70].

В структуре оценочно бытийных предложений имеются эмоционально-восклицательные частицы *что за, ну, то-то, тоже, а ещё, да и, и же, какой, ай да* и междометия. *Боже мой, какая прелесть!* (Паустовский. Разливы рек, с.209). *Какой все же славный городок!* (Паустовский. Разливы рек, с.209). *Ух, какое великоление* (Булгаков. Дни Турбиных, с.64). –Такая жалость! (Паустовский. Телеграмма, с.280). *Ах, какая ночь!...* (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 158).) *Ай да голосок! Ах, злодей, ах, негодник!* (Е. Замятин. Уездное, с. 37). *Ну что за безмозглые!* (Е. Замятин. Арапы, с. 167). *Ах, тот*

самый – тот самый голос ... Бессмертный деревянный конёк, шарманщик, льдина. (Е. Замятин. Пещера, с. 193). *Ай да квартирка!* (Булгаков. Мастер и Маргарита, с.287). *Эх, какое осложнение!* (Булгаков. Мастер и Маргарита, с.195).

Предложения с частицей *вот* при ослаблении указательного значения становятся оценочно-бытийными предложениями: *Вот забавный случай!* (Паустовский. Разливы рек, с. 210). *Вот гнусный ловелас!* (Булгаков. Дни Турбиных, с. 73). Предложения с частицами **вот тебе и вот вам** приобретают семантику отрицания свойств, являющихся ожидаемыми: *Вот вам от директора письмо* (Шмелев. Человек из ресторана, с. 65). *Вот вам слив на дорогу...* (Чехов. Чайка, с. 255); *Вот адское место для живого человека!* (Булгаков. Мастер и Маргарита, с. 214).

Л. А. Булаховский, учитывая тесную семантико-синтаксическую связь частицы, *что за* и вопросительного местоимения *что* с частицей *за*, считает всё это сочетание составным сказуемым [28, 325].

Но А.А. Шахматов именительный падеж этого сочетания считал подлежащим, а *что за* в невопросительных предложениях – определением. Такие предложения у него были односоставными: *Ну, что за шейка, что за глазки!* (Крылов); *Терентий опять воет. Что за человек!* (А. Толстой); *А потом что это у вас за ангелочек эта Адочка, что за прелесть* (Тургенев). Вопросительное предложение он считает двусоставным с несогласованным со сказуемым - вопросительным местоимением *что*: *Да что ж за беда?* (Н. Гоголь); *Что у вас, сударь, за дело с ним:* (А. Островский) [207, 155 – 156].

И. П. Распопов и А. М. Ломов вкорме противостоят отнесению оценочных предложений с частицами к составу номинативных предложений, ибо это, по их мнению, лишает номинативные предложения их качественной определённости [156, 241].

А.Г. Руднев оценочные номинативные предложения считает полупредикативными: в них выражается наличие факта (модальная

оценка отношения к явлению, лицу, предмету): *Чрезвычайное происшествие!* (Г); *Какой денёк! Какие страсти!* (П); *Смотрите, какая славная тоска!* – воскликнула Софья (М. Г.) и др. Он рекомендует отличать полупредикативные предложения от двусоставных с именным сказуемым. «*Какое горе!* – предложение односоставное, номинативное, полупредикативное. Какое в этом предложении, – пишет автор учебного пособия, – является определением. Но предложение *Какое горе?* – двусоставное, так как здесь какое является сказуемым [164, 42 – 43].

[164, 42 – 43].

Такая точка зрения нашло отражение и в монографическом учебнике А.Н. Гвоздева. «Среди назывных предложений выделяется группа эмоционально окрашенных, восклицательных предложений, отмечает А.Н. Гвоздев и приводит следующие примеры: *Ах, отсюда необходимо зачертить этот мотив! Какая красота!* (Репин. Далекое, близкое). *Нас обступили. Какой красивый, дородный народ!* И далее отмечает: «следует отметить, что эти предложения отличаются от соответствующих им вопросительных предложений, являющихся двусоставными, например: *Какое утро!* где какое – определение, и *Какое утро?*, где какое – сказуемое [50, 82].

А.М. Пешковский указывал, что главный признак номинативных предложений – это опущение приглагольных словоформ, а использование наречия и косвенного падежа имени существительного является приметой неполного предложения [137, 377].

В русском языке собственно-назывные предложения вызывают противоречивые взгляды исследователей.

Даже А.А. Шахматов, «Грамматика современного русского литературного языка» (1970) и «Русская грамматика» (1980) не называют этот тип номинативных предложений. В академической «Грамматике русского языка» они упоминаются как конструкции по форме совпадающие с номинативными предложениями [54, 408]. Именительный названия в работах А. Н. Гвоздева, Ю. Т. Долина, П. А.

Леканта, Т.Г.Почтенной, К.А.Роговой и др. не считается предложением [9, 409].

А.Н. Гвоздев, например, пишет: «Не представляют предложений разного рода названия, помещаемые на вывесках; они являются простыми наименованиями учреждений, а не высказываниями о них» [9, 409].

Такое же мнение имеет и автор «Синтаксиса современного русского языка» Н.С. Валгина [33,410]. Н.Ю. Шведова ещё более расширяет состав таких фактов: *Раки! Раки!*; – *Мидии! Мидии!*; – *Бычки! Бычки!* (А. Грин); – *Раки! Раки! Раки! Раки!*; – *Камбала! Камбала! Камбала!.. Из всех торговки привоза наиболее резкими, крикливыми голосами славились торговки рыбного ряда* (В. Катаев).

Противоположное мнение имеет А.А. Потебня, который все заглавия считает номинативными предложениями, а их синтаксическую функцию он называет сказуемым [145, 79]. Такое же мнение имеет и А.М. Пешковский [137, 178].

Такое мнение разделяют Е.М. Галкина-Федорук [48, 307]., Е.С. Скобликова [179, 166–167]. Е.С. Скобликова именительный названия относит к назывным предложениям. К ним присоединяется и В.В.Бабайцева, которая считает их собственно назывными предложениями [14, 136-137].

«Слово «Парикмахерская», написанное на вывеске, остается просто словом, пока она лежит в мастерской вывесок с другими вывесками»: «Булочная», «Аптека». Однако, несомненно, все эти слова, ничего не утверждающие, но имеющие лишь, то или иное значение, превращаются в слова-суждения, когда вывески размещены над соответствующими помещениями. Вывеска «Булочная» над магазином, где продают *хлеб*, является полноценным суждением, которое может быть оформлено в виде назывного предложения: Последняя часть приведенного высказывания, - пишет В.В.Бабайцева, - требует некоторых коррективов» [14, 136]:

1) неясно, что значит «полноценное суждение», так как здесь нет типичного логического суждения;

2) Это булочная – суждение существования, но предложение не назывное (номинативное), а двусоставное. Кроме того, собственно-назывное предложение *Булочная ближе по значению к Вот булочная, Здесь булочная, чем к предложению Это булочная.*

В.В.Бабайцева пишет: «Названия книг, журналов, картин и т.д., состоящие из слова или словосочетания с номинативным значением, выражают суждения существования и употребляются для того, чтобы обозначить, выделить какой-либо предмет или явление, указать на него, раскрыв его назначение наименованием. Следовательно, это не просто слова, а предложения.

Этого рода предложения являются преимущественно средством письменной речи, но они приобретают коммуникативную значимость в живом процессе общения и характеризуются констатирующей интонацией, свойственной номинативным предложениям.

Если слово соотносительно с понятием, а предложение – с суждением, то логично считать такие названия предложениями, так как они выражают суждения существования и имеют констатирующую интонацию» [14, 137].

Заголовки произведений или отдельных глав мы считаем предложениями, так как они утверждают, что эти произведения, имея то или иное название, следовательно, нечто сообщают. Кроме того, они грамматически оформлены и имеют модальность реального факта. Эти предложения широко употребляются при изложении содержания какого-то произведения, главы и т. п., для создания канвы рассказа: Апельсиновое дерево. Сумерки в келье. Брокеровская баночка. Веселая вечерня. Ясные пуговицы (Замятин. Уездное).

Таким образом, всякие заголовки, нам представляется, являются номинативными предложениями.

Нельзя не согласиться с тем, что, не являясь предложением, слова-названия выполняют в речи определённую функцию, заключающуюся в способности выразить намёк на содержание или сжатое выражение содержания номинируемого текста. Так, например, И. Р. Гальперин пишет, что название (заголовок) – это имплицитная, максимально сжатая СКИ (содержательно-концептуальная информация), причём, как всё сжатое, она стремится к развёртыванию, распрямлению [49, 134].

Для И. А. Сырова заголовок – это коммуникативная единица. Он классифицировал заглавия в пять функционально-семантических типов: информативно-концептуальный, информативно-троповый, конспективный, реминисцентно-смысловой и номинативнообразный [194, 59-68].

Вызывает многочисленные разногласия отнесение к номинативным предложениям конструкций со значением пожелания побудительного характера с главным членом, представленным именительным падежом, типа *Счастливый путь! Хлеб да соль! Доброе утро! Внимание! Мир и согласие вашему дому!* и др.

А.А. Шахматов, например, признавал отсутствие в содержательной структуре конструкций со значением пожелания семы экзистенциальности (основного признака номинативных предложений) и отказывал им в статусе неполных предложений, подчёркивая отсутствие оснований предполагать в них пропуск глагола [207, 54].

В вузовском учебном пособии по современному русскому языку в разделе односоставных подлежащих предложений имеет место исчерпывающе точное определение: «Побудительно – пожелательными называются односоставные предложения, имеющие один главный член – подлежащее, при помощи которого выражается совет, приказание, пожелание и т. п.», снабжённое следующими примерами: *Хвала и честь героям, достойно отстоявшим Ленинград* (Дудин); *Председатель жестом остановил рабочего: Спокойствие, братья!; Слава рыцарям правды!..; Месть! Огонь! В ад фабрикантов* [186, 315].

«Эти предложения по форме близки к номинативным. Однако их нельзя относить к номинативным потому, что в них выражается не бытие предметов, явлений, а побуждение и пожелание.

В стилистическом отношении побудительно-пожелательные – принадлежность разговорного стиля, номинативные – художественно-описательного.

В структурном отношении они тоже отличаются от номинативных: им свойственны обращения, дательный падеж со значением объекта-адресата, чего не бывает в номинативных, зато в побудительно-пожелательных при подлежащем редки определения, а в номинативных они обычны» [186, 315].

В концепции Е.М. Галкиной-Федорук отмечается грамматическая близость к словам-предложениям, а по содержанию – к побудительным: *Прощайте!* (Гоголь); *Здравствуй, новая жизнь!* (Чехов) [188, 310]. В. В. Бабайцева считает их побудительно-пожелательными номинативными предложениями – [14,132]. А.Г. Руднев причисляет их к полупредикативным предложениям [164, 43]. Этикетные формулы номинативных предложений хотя и ограничены, но употребительны в разговорном языке. Побудительно-пожелательные предложения представляют особую разновидность мысли [14, 132-133]. В них утверждается **необходимость** или **желательность** бытия предмета или явления, названного именем существительным в именительном падеже: - *Ток!- коротко бросает Иван Иванович... Снова разрез электроножом. Больную тошнит. А операция идет своим чередом.- Воск, ножницы! Ток!* (Коптяев. Иван Иванович).

Именительный представления А.А. Шахматов не причислял к предложениям [207, 176], а А.М. Пешковский [137, 404], как и Н. Ю. Шведова называют изолированными образованиями [211, 6- 67].

По мнению А. М. Пешковского, в конструкциях с именительным представления мысль как бы преподносится «в два приёма: сперва выставляется напоказ изолированный предмет, и слушателям известно

только, что про этот предмет сейчас будет что - то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается сама мысль» [137].

А.Н. Гвоздев также не считает номинативным предложением именительный представления. Он отмечает: «Не является предложением, не выражая утверждения, так называемый именительный представления, выражающий возникающее представление о предметах и явлениях, но не содержащий высказывания о них; для него характерна интонация, указывающая на незаконченность и приводит следующие примеры: Москва.. Как много в этом звуке для сердца русского слилось (Пушкин. Евгений Онегин). Неполнота и незаконченность именительного представления, по мнению А.Н.Гвоздева, подтверждается тем, что далее идет раскрытие того, какие мысли связаны с данным в начале понятием [50, 83].

Функциональная предназначенность именительного представления позволила А. С. Попову предложить для этой синтаксической конструкции новый термин «именительный темы» [139, 304]. Оба термина стали применяться для наименования этого синтаксического явления как синонимы: «именительный представления», или, иначе, «именительный темы».

Иногда именительный представления называют «именительным словесным», употребляемым с целью сосредоточить внимание слушателя на слове, данной лексеме [18, 80].

Эта точка зрения на статус именительного представления отражена в вузовских учебниках и учебных пособиях Н.С. Валгиной, Ю.Т. Долина, П.А. Леканта, Н.Ю. Шведовой, А.К. Фёдорова, Т.Г.Почтенной и др. Однако данная характеристика именительного представления, или именительного темы, не является общепризнанной.

В академической Грамматике русского языка именительный представления описывается более пространно: его выражение существительным в именительном падеже, местоположение в начале

предложения, синтаксическая несвязанность, название предмета как представления о каком-либо суждении, вызывающем вопрос: *Желанье... что пользы напрасно и вечно желать?* (Лермонтов). Эта точка зрения отражена в пособии по синтаксису для университетов (1964г.), в работе Н. Ю. Шведовой [55, 282-287]. А. С. Попов, детально исследовавший именительный представления, тоже не считает его разновидностью номинативных предложений. Он предлагает отказаться от термина «именительный представления» и заменить его другим - «именительный темы», потому что в системе языка слова соотносятся с понятиями, а не с представлениями; в данном случае форма именительного падежа, «предвосхищая тему последующего предложения, подчеркивает ее, выделяет, создает особое напряжение, настроение ожидания» [139, 256-274].

Во многих вузовских учебных пособиях в главе «Номинативные предложения» отмечается, что «именительный представления» не является номинативным предложением [186;59;183;184;185]

На основании формального сходства именительного представления с главным членом предложений, традиционно называемых номинативными, некоторые учёные не отказывают им в статусе предложения, квалифицируя их как специфическую разновидность номинативного предложения. Таким подходом к этой синтаксической конструкции отмечены, например, работы [14,137-139; 164, 44; 51, 65 и др].

По мнению этих учёных, «именительный представления», по своей функции является самостоятельной коммуникативной единицей, посредством которой говорящий сообщает о наличии в сознании определённого представления, способного вызвать аналогичное представление в сознании собеседника. В.В. Бабайцева, признавая за именительным представления статус самостоятельной коммуникативной единицы, являющейся специфической разновидностью номинативного предложения, не соглашается с предлагаемым термином «именительный темы» на том основании, что содержание «именительного представления»

нельзя свести только к обозначению темы последующего высказывания, поскольку его содержание богаче понятийного значения имени, ибо коммуникативным назначением именительного представления является стремление обозначить наличие представления в мыслях говорящего (думающего) и вызвать обобщённо-чувственный образ называемого предмета в сознании собеседника (читателя). Кроме того, по мнению автора, «именительный представления» является выражением слабо расчленённой мысли: представление – один компонент мысли, утверждение о его существовании в сознании путём называния его – второй компонент мысли. Следовательно, – заключает автор, – как и в других разновидностях номинативных предложений, в «именительном представления» выражается логико- психологическое суждение» [14, 138].

А. Г. Руднев за именительным представления также признаёт статус номинативного предложения, но такого, в котором нет высказывания, а есть только постановка вопроса о лице, предмете, явлении для размышления, для обсуждения с представлением их себе [164, 44].

По мнению Е. С. Скобликовой, «именительный темы» «представляет собой отдельную единицу общения со специфическим коммуникативным назначением и широким общим содержанием», т.е. фактически она признаёт их предложениями и указывает на близость «именительного темы» к обычным номинативным предложениям. Свойственная этому типу предложений «недосказанность» определяется тем, что употребление его характеризуется прямой установкой на подтекст: оно имеет целью вызвать размышления, побудить собеседника осмыслить свойства и роль названного предмета [179, 167].

В. В. Бабайцева на конкретных собственно подобранных примерах посредством сравнения именительного представления с номинативными предложениями выделяет сходства и различия этих двух разновидностей номинативных конструкций: *Поезд останавливается. Москва. Казанский*

вокзал – Москва!... Как много в этом звуке для сердца русского слилось!
(Пушкин. Евгений Онегин) [14, 137-138].

В описательном номинативном предложении Москва (первый пример) утверждается наличие, бытие Москвы в действительности, в «именительном представлении» (второй пример) отмечается наличие представления о Москве в сознании говорящего.

Общность именительного представления и номинативных предложений состоит в морфологических признаках главного члена именительного падежа существительного (количественно-именного словосочетания) и в интонационной специфике.

«Именительный представления», как и другие разновидности номинативных предложений, является предложением, так как представляет собой интонационно самостоятельную коммуникативную единицу: при его посредстве говорящий сообщает о наличии в сознании представления и вызывает аналогичное представление в сознании собеседника:

Преображение Господне... Ласковый, тихий свет от него в душе – доньне... (Шмелев. Лето господне, с.360).

Л.Н. Голайденко в диссертации «Синтаксические способы выражения представления в художественном тексте» показывает различия между двумя синонимами: именительный представления привязан к контексту именительный темы – это «связующее звено между частями текста» [51,15].

Именительный темы в работах В.В.Бабайцевой представлен особым типом номинативных предложений, таким же, как именительный представления, бытийные, указательные, субстантивно-оценочные и императивные, с четким определением этого вида: «Именительный темы – это разновидность номинативного предложения, центром которого является существительное в форме именительного падежа, обозначающее тему последующего текста» [14,137].

Нам представляется, что в монографии В.В. Бабайцевой содержится своего рода научный план - перспектива изучения структурно-семантической

специфики именительного темы: определение информативной стороны значения и коммуникативной необходимости, обнаружение в многочисленных примерах, уточняющих возможности семантических свойств именительного темы, особенностях их обозначения, что обнаруживает в процессе разноаспектных исследований: в изучении семантических структурных признаков в целях коммуникативного назначения, а так же логическим путём. Перспективные исследования предусматривают уточнить (обстоятельно конкретизировать) место нового типа номинативных предложений (именительного темы) в составе односоставных предложений.

Вокативные предложения в своё время были обнаружены академиком Ломоносовым М. В., который весьма пространно и красноречиво определил почти программу ситуативного использования этой «фигуры»: «можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощать, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться ... к кому слово от предложенной материи обращается» [101, 267].

Окончательно утвердили в русской синтаксической науке вокативные предложения. Научная и педагогическая деятельность профессора Бабайцевой, которая конкретизировала его семантику как предложения-обобщения, нерасчленённой мысли чувства, волеизъявления [14, 154]. В начале 20 века академик А.А. Шахматов по «современному» и более понятному, доступному пониманию описал малоизвестный в науке термин обозначения типа односоставных предложений в отношении ситуации использования и тотальности фонетического признака.

Главный член вокативных предложений – именительный падеж имён существительных имеет особую семантику, обеспечивающую его грамматическую самостоятельностью. Они содержат имя существительное

(или местоимение) в именительном падеже, произносимое с особой интонацией, передающей призыв, побуждение к прекращению действия, несогласие с собеседником, укор, упрек, сожаление, негодование и т.п. Часто употребляющиеся междометия и частицы усиливают и дифференцируют семантико-грамматические свойства вокативных предложений

Главный компонент вокативного предложения представлен именительным падежом со значением лица, к которому обращается говорящий. Например: - **Ваня!** Позвала она, -**Иван Андреич!** (Чехов. Дядя Ваня).

Вокативные предложения В. В. Бабайцева считает особой группой односоставных предложений. Нетипичность этого типа предложений подтверждается по двум основаниям:

- 1) тем, что главный член этого типа предложений (как обращений) не подходит под понятие ни подлежащего, ни сказуемого, несмотря на то, что в них отмечается возможность употребления других членов;
- 2) вокативные предложения как нерасчленимая мысль выражения чувств и волеизъявления более близки к междометным предложениям [14, 154 – 158].

Такое же мнение имеет и А.Н.Гвоздев, который обращает внимание на семантику вокативных предложений (обращение), по его мнению, это нечленимые междометные предложения [50, 161].

А. Г. Руднев относит предложения вокативные к составу номинативных [164, 43].

Итак, в русском языке по сей день в классификации номинативных предложений и в определении полного состава его парадигматики отсутствует единообразие. Широкий взгляд на данную

проблему находит отражение в монографии В.В. Бабайцевой «Односоставные предложения в современном русском языке». В ней описываются все виды односоставных предложений (номинативных) с главным членом в форме именительного падежа и перечисляются все семантические группы номинативных предложений.

1.3. Грамматическая характеристика номинативных предложений русского языка

В русской синтаксической науке номинативные предложения являются объектом не только многочисленных научных статей, но также и специальных исследований, имеющих отношение к специфике номинативного предложения, синтаксической функции главного члена, структурная организация номинативного предложения, имеющая отражение в структурной схеме особенности выражения предикативного компонента.

В русском языке главной грамматической спецификой номинативных предложений является их односоставная структура и морфологическая особенность обозначения предикативности.

Предикативная часть номинативного предложения обозначается:

а) существительным в именительном падеже: *Ветер*. Небо из несущих чугунов плит. И так, как это было в какой-то момент вчера: весь мир разбит на отдельные, острые, самостоятельные кусочки, и каждый из них, падая стремглав, на секунду останавливался, висел передо мной в воздухе – и без следа испарялся (Замятин. Мы, с.444). *День*. Ясно. Барометр 760 (Замятин. Мы, с.461). *Какие блаженные, какие возвышенные, навеки незабываемые секунды!* (Куприн. Юнкера, с.84). *Тишина*. В пустынях острые зубчатые тени опрокинутых скал. Зажженные алыми искрами ледяные глыбы стекла, под ним – как сквозь лёд на дне – темные груды

машин, книг, тел, три мгновенно замерзших, тесно друг к другу, труппа (Замятин. Рассказ о самом главном, с.223). *Какая поразительная красавица!* (Паустовский, Кара-бугаз, с.54). *Плоские, плюхающие шаги за стеной.* Медленно, сустав за суставом раздвигая себя, как складной аршин, дьякон приподнялся, выглянул через дыру в стене – и ахнул... (Замятин. Икс, с.247). Я сотрудник газеты «Сутки» - Бобкин... Вот моя карточка...(Куприн. Интервью, с.331). *Щелк императора.* Я весь кинулся в узенький белый прорез – и.. и какой-то незнакомый мужской голос (с согласной буквой) номер (Замятин. Мы, с.379). Душная ночь. Будет гроза (Булгаков. Морфий, с. 433).

б) количественно-именным сочетанием в форме именительного падежа главного слова: *Два белых матроса,* его товарищи, в изголовье. Сбоку, совсем близко, как сидела бы мать, сидит босяк – опухшее, налитое лицо, лоб, перевязанный тряпкой (Замятин. Три дня, с.261). Пароход ушел. Шесть часов. Солнце печет из последних сил (Замятин. Три дня, с.264). Двенадцать часов дня. Известный драматург Крапивин бегаёт взад и вперед по кабинету (Куприн. Интервью, с.331). *Шестнадцать часов.* На дополнительную прогулку я не пошел... (Замятин. Мы, с.378).

в) местоимением в форме именительного падежа: *Вот она!* (Булгаков. Морфий, с.422). - *А! Вот и они!* – в конце уже обеда сказал Степан Аркадьич (Л.Толстой. Анна Каренина, с.260). *Вот он!...* (Горький. Мещане, с. 36).

Грамматической спецификой является форма настоящего времени изображающих предметов, явлений, событий. Номинативные предложения имеют реальную модальность, отражаются картины, происходящие в момент речи: *Григорий растерялся, угадав в окне отца. «Вот так ну! Отец!»* (Шолохов. Тихий Дон). *Стеклянная, полная золотого тумана, комната.*

Стеклянные потолки с цветными бутылками, банками, провода. Синеватые искры в трубках (Замятин. Мы, с.355).

В описательных повествовательных художественных текстах содержание назывных предложений соответствует назывному плану («настоящего исторического»): обстановка и события прошлого передаются как раскрывающиеся «на глазах» у наблюдателя: - *Однажды я жил в этой местности на каникулах, - сказал он. – Был репетитором в одной дачной усадьбе, верстах в пяти отсюда. Скучная местность. Мелкий лес, сороки, комары и стрекозы. Вида никакого* (Бунин. Руся, с. 550). *Скачки, гонки, бега. Все это черезчур однообразно, несмотря на столь понравившийся москвичам тотализатор* (Чехов. Среди милых Москвичей, с. 62). *Ясный зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой* (Чехов. Шуточка, с. 5). *Квартира попалась хорошая. Большой достаточный дом, хозяйка-вдова, два взрослых сына и сожител ь хозяйки – не ангарец, пришлый, из солдат* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.320).

Для номинативных предложений характерен только один временной план **предложения**, совпадающий с моментом речи, поэтому этот тип предложений не имеет парадигматических изменений по наклонениям и временам. Предикативность номинативных предложений проявляется посредством интонации:

- *Погодите минутку. Первая звезда, молодой месяц, зеленое небо, запах росы, запах из кухни, - верно, опять мои любимые битки в сметане! И синие глаза и прекрасное счастливое лицо...* (Бунин. Качели, с. 624).

Торжественный, светлый день. В такой день забываешь о своих слабостях, неточностях, болезнях – и все хрустально-неколебимое, вечное – как наше, новое стекло (Замятин. Мы, с. 336). *Серые, без лучей лица. Напруженные синие жилы внизу, на воде. Тяжкие чугунные пласты неба. И так чугунно мне поднять руку, взять трубку командного телефона* (Замятин. Мы, с.439).

По признаку цели высказывания различают номинативные предложения:

а) повествовательные: *Дождь, ветер, холодище, паровоз старый, скверный* (Горький. Мещане, с. 37). Почему здесь состязание в умах – непонятно. А ехидности в наружности Клоченки никакой не наблюдалось. *Простое, широкое, голубоглазое (как часто у рыжих) лицо примерного армейского штаб-офицера, с привычной служебной скукой и со спокойной холодной готовностью к исполнению приказаний* (Куприн. Юнкера, с.88).

Весна. Из-за Зеленой Стены, с диких невидимых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цвѣтов (Замятин. Мы., с.308). *Ночь. Зеленое, оранжевое, синее; красный королевский инструмент; желтое, как апельсин, платье.* (Е.Замятин. Мы, с. 328). *Шум, хохот, беготня, поклоны, галоп, мазурка, вальс...* (Пушкин. Евгений Онегин). *Неизмеримая секунда. Рука, включая ток, опустилась* (Замятин. Мы, . 338); *Тихий городок с деревянными тротуарами, без садов, похожий на степной. Снова синее небо над головой и одуряющий запах жизни.* Нет больше камеры, Дьякова, тюремного дворика, часового с винтовкой, следящего за тобой сонным взглядом (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.187).

Сталинградской страды

Золотые плоды:

Мир, довольство, высокая честь (А.Ахматова. Победа, с.50).

б) восклицательные: *Какие блаженные, какие возвышенные, навеки незабываемые секунды!* (Куприн. Юнкера, с.84).

Мы постояли возле могил Эртеля, Чехова. Держа руки в опущенной муфте, она долго глядела на чеховский могильный памятник, потом пожала плечом: Какая противная смесь, сусального русского стиля и Художественного театра! (Бунин. Чистый понедельник, с. 617); *Ах, какой добреющий барин!* (Достоевский. Преступление и наказание, с.79). *Какая низость!* – повторил Лебезятников... (Достоевский. Преступление и

наказание, с. 196). Какой рабский дух! (Замятин. Мы, с.326). Какое величие! Какая незыблемая закономерность ! (Замятин. Мы, с.319).

в) вопросительные: *Какой пожар? – Восход луны, конечно* (Бунин. Холодная осень, с. 603). Ну, какой же наш маршрут? (Л.Толстой. Анна Каренина, с.147). Какая ваша правда? (Горький. Мещане, с. 35).

По признаку структуры номинативные предложения бывают: а) нераспространенные и б) распространенные номинативные предложения, в том числе и осложненные однородными членами предложения, например: *Утро*. Еще нет семи часов, а цирульня Макара Кузмича Блесткина уже отперта (Чехов. В цирульне, с. 35). –Край пусть оценят, -ответил Анатолий Георгиевич, такого богатства, как на Ангаре, нет нигде. *Уголь, металлы, нефть, лес, пушнина, неисчерпаемые гидроресурсы* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 301). *Душное июльское утро* (Чехов. Учитель словесности, с. 334). *Скучные ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины...* (Чехов. Учитель словесности, с. 334). *Темные, незнакомые улицы, повороты. Пустые, покинутые дома* (Замятин. Три дня, с. 268).

В распространенных номинативных предложениях легко выделяются главный член и второстепенные члены, поясняющие его. Обычно это определение, согласованное или несогласованное. Определение-прилагательное должно быть препозитивным: *Правильный, нежно очерченный овал лица, довольно правильные черты, густые, действительно прекрасные волосы, обыденная домашняя их причёска, тихий пристальный взгляд. Первые грозы, полумладенческие бури! Немотствовавший великан пытается сказать, выкрикивает и грозит и смутно встряхивается – впотьмах и наудачу* (Б.Зайцев. Белый свет. с. 159). *Последняя ночевка в деревне Заимка, на острове с неожиданным названием Тургенев* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 316). *Новый тип сельского активиста, сообразительный, принимающий всё на веру, с веселой готовностью, без сомнений и рассуждений, к тому же песенник и гармонист* (А.Рыбаков. Дети

Арбата, с. 314). И снова спокойная могучая река, синие скалы, бескрайняя тайга, солнце в голубом небе, все это щедро и обильно сотворенное для благо людей. *Тихий лес, мелкие безымянные перекаты. На правом берегу деревня Кода*, где все Рукосуевы и куда спецпереселенцы обращались за помощью и не получили её (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 316). Старуха у ворот Древнего Дома. Милый, заросший с лучами-морщинами рот (Замятин. Мы, с. 355). Полумрак комнат, синее шафранно-желтое, темно-зеленый сафьян, золотая улыбка Будды, мерцание зеркал (Замятин. Мы, с. 356).

Итак, грамматические признаки номинативных предложений русского языка - *односоставность структуры, главный член в форме имени в именительном падеже, особая интонация, синтаксическая членимость, наличие однородных членов предложения (согласованных и несогласованных), препозитивность определения, объектные определители*).

1.4. Типы номинативных предложений в современном русском языке

Семантико-функциональная характеристика номинативных предложений в русском языке в современном русском языке характеризуется значительными расхождениями. На фоне чётко очерченной традиционной характеристики узкого плана в двадцатом веке второй половины появляется широкий план: не столько теоретический, сколько иллюстративный (с многочисленными примерами).

Наряду с традиционно выделенными бытийными, указательными и оценочно-бытийными группами номинативных предложений [50, 80-83; 149; 162; 200; 59 и др.] в наше время выделены новые группы: побудительно-пожелательные, оценочно-бытийные, собственно-назывные и «именительный представления» [14; 179; 164].

В связи с этим Е.С. Скобликова отмечает, что достаточно сложным является вопрос о том, какие из конструкций, структурную основу которых составляет только именительный падеж существительного, можно относить к назывным предложениям. Вопрос этот решается то в пользу узкой трактовки, то в пользу более широкой с целым рядом частных расхождений между отдельными исследователями.

Основными объектами расхождения являются несколько различающихся по функциям типов конструкций. Прежде всего, к ним относятся две разновидности таких конструкций, в отношении которых трудно объективно решить, являются ли они вообще предложениями. Во-первых, это заголовки, надписи, вывески; во-вторых, так называемый «именительный представления» [179, 133].

Широкое понимание состава номинативных предложений в русском языке теоретически поддерживает В.В.Бабайцева. В нашей работе принимается точка зрения В.В.Бабайцевой, так как при объединении предложений в номинативные учитываются не только общность их структуры, но и другие признаки: модальность предложений, их временной план и значение.

В модальном плане наиболее широко распространенную группу среди односоставных предложений с именительным падежом существительного в роли главного члена представляют предложения с реальностью модального факта.

В составе номинативных предложений традиционной классификации в данной языковой ситуации будут такие группы: бытийные, указательные, эмоционально-оценочные, побудительно-пожелательные, собственно-назывные, именительный представления.

Собственно-бытийные предложения выражают наличие явления в момент его восприятия: *Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Меркнувшее небо, бледное море* (Паустовский. Кружевница Настя, с. 270). *Низкие, темные глухие облака – своды, и всё – одна огромная, тихая пещера.*

Узкие, бесконечные проходы между стен; и похожие на дома темные, оледенелые скалы; и в скалах – глубокие, багрово-освещенные дыры: там, в дырах, возле огня – на корточках люди. Легкий ледяной сквознячок сдувает из-под ног белую пыль, и никому неслышная – по белой пыли, по глыбам, по пещерам, по людям на корточках – огромная, ровная поступь какого-то мамонтейшего мамонта (Е. Замятин. Пещера, с. 194). –Если бросить морские голыши в золотую воду, то получается вот такие фонтаны. Брызги и всплески. Правда? (Паустовский. Песчинка, с.309). Последний ужин дивизиона. Завтра выступаем, господин поручик (Булгаков. Дни Турбиных, с.64).

Предметно-бытийные предложения обозначают предметы в пространстве. Говорящий фиксирует их взглядом и заставляет их как бы увидеть и другими: *Сталинград. Зной, пыль, булыжник. Сожженная листва. На тротуарах – вечные бродяги (А.Толстой. О литературе и искусстве, с. 410). Станиславский сидел больной в маленькой комнате на диване. Умывальник. Зеркало. К нему пододвинут столик с зеркальцем и косметикой (А.Толстой. О литературе и искусстве, с. 413). Сапоги-бутылки, часы серебряные на шейной цепочке, калоши новые резиновые – и ходит Барыба рындиком этаким по чеботаревскому двору, распорядки наводит (Е. Замятин. Уездное, с. 40). Станиславский в желтой очень просторной куртке. Чистая рубашка. Очень большие руки. Огромная голова с белыми и как шелк волосами. Весь большой, изящный, под рукой картонный секретер с рукописями (А.Толстой. О литературе и искусстве, с. 413). Изредка, правда, когда я ложился в постель с приятной мыслью о том, как сейчас я усну, какие-то обрывки проносились в темнеющем уже сознании. Зеленый огонек, мигающий фонарь... скрип саней... короткий стон, потом тьма, глухой вой метели в полях... Потом все это боком кувыркалось и провалилось (Булгаков. Морфий, с. 418).*

Лаконизм грамматической структуры бытийных предложений объясняет интерес к ним у многих писателей. Указывая место и время, бытийные

предложения сразу же вводят читателя в обстановку действия, способствуя стремительному развитию сюжета. Такое использование бытийных предложений характерно, например, для рассказов А.П.Чехова:

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки (Чехов. Тоска); В течение лета и зимы бывали часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов ... Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданий. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жесткие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее (Чехов. Мужики, 311).

Номинативные предложения убыстряют темп речи, придают тем самым взволнованность.

Краткость фразы, постоянство временного плана и места бытийного предложения способствует быстрому восприятию сюжета, что свойственно рассказам Е.Замятина: Тишина. Мутно-зеленное стекло. Стены – слева. Темно-красная громада – впереди. И эти два цвета, слагаясь, дали во мне в виде ранодействующей – как мне кажется, блестящую идею (Замятин. Мы, с.421). Вот и опять тяжело-жаркий, дремучий послеполудень. Белые плиты на монастырской дорожке. Липовая аллея, жужжанье пчёл (Замятин. Уездное, с.55).

Вследствие краткости фразы номинативные предложения убыстряют не только темп речи, но также и быстроту чтения. Наглядно-чувственное восприятие текста бытийного предложения читателем делает этот тип номинативных предложений самым выразительным средством художественной речи:

Переходим какие-то пути, спотыкаемся, свертываем пол сырой улицы пакгаузов – и вдруг попадаем неожиданно в поток людей, спускающихся сверху из города в порт. Что-то похожее на крестный ход: так много,

такие разные. Панамы, босоногие ребяташки, солдаты, перчатки, шелковые зонтики, опорки, воротнички (Замятин. Три дня, с. 258); *Стеклянная, полная золотого тумана, комната. Стеклянные потолки с цветными бутылками, банками. Провода. Синеватые искры в трубах* (Замятин. Три дня, с. 260). *Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы. Ганька, старичок Коркин, который, пожалуй, умрет скоро...* (Шмелев. Лето господне, с. 328). *Пост. Желтым маслом политые колеи. Не по-зимнему крикучие стаи галок в небе* (Замятин. Рассказ о самом главном, с. 229). *Великая Суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед утренней зари* (Шмелев. Лето господне, с. 328).

Очень выразительны бытийные предложения в тексте, который характеризуется ярко выраженным повествовательным мотивом. В таких текстах благодаря наличию бытийных предложений легко представить описываемое, представить динамику развития того или иного действия: *Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас дома чистят. Серенькая погода, оттепель* (Шмелев. Лето господне, с. 283). *Солнце, трезвон и гомон. Весь двор наш - праздник* (Шмелев. Лето господне, с. 338). *Бессмертный деревянный конек, шарманщик, льдина* (Замятин. Пещера, с. 193). *Установленный обычаем, пятиминутный, предвыборный перерыв. Установленное обычаем, предвыборное молчание* (Замятин. Мы, с. 401). Так неспешно идет жизнь – и всю жизнь, как крепкий строевой лес, сидят на одном месте, корневищами ушедший глубоко в землю. *Дни, вечера, ночи, праздники, будни* (Замятин. Русь, с. 228). *Утро. Из розового золота кресты над синими куполами, розовые камни, оконные стекла, заборы, вода. И все – как вчера. Не было ничего* (Замятин. Русь, с. 230).

2. Указательные номинативные предложения несколько отличаются от структуры собственно бытийных предложений. В указательных номинативных предложениях, кроме значения бытия, имеет место указание на называемый предмет, выделение его из числа других предметов. Необходимой структурной частью этих предложений являются

указательные частицы **ВОТ** и **ВОН**: *Вот ваша карта* (Паустовский. Разливы рек, 218). *Вот тебе и наркомовская дочь* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 108). - *Ох, да вот он, вот он, Батюшка* (Замятин. Три дня, с. 261). *Вот она, Олька, вот она!* (М.Булгаков. Бег, с. 139). *Вот вам рубль на троих* (Чехов. Чайка, с. 255). *Вот кружка с водой, жестяная...*(Замятин. Рассказ о самом главном, с. 217). *Вот тебе комната, и приглашай...* (Шмелев. Человек из ресторана, с. 67). «*Вот оно, слово-то!*» - подумал я (Тугенев. Заиски охотника, с. 123). *Вот тебе французские горчишники* (Булгаков. Тьма Египетская, с. 410). – *Вот и анекдот!* – торжественно заметил Демьян Лукич (Булгаков. Тьма Египетская, с. 410). *Вот вам исключение! Интеллигентный мельник!* (Булгаков. Тьма Египетская, с. 412).

В указательных номинативных предложениях описание (восприятие) бытия осуществляется использованием названия предмета с указательными местоимениями **ВОТ** и **ВОН**:

Вот двадцать копеек. Держи... Прощайте. Вот моя калитка (Куприн, К славе). *А вон брусника, в ней яблочки* (Шмелев. Лето господне, с. 308). *Вот он, горох, гляди...* (Шмелев. Лето господне, с. 308). *А вот капуста* (Шмелев. Лето господне, с. 308). *Вот она, быть может, святая святых Бориса Константинова Зайцева, внутренний источник его тихого негасимого света* (Б. Зайцев. «Бессмысленного нет...») (О Борисе Константиновиче Зайцеве,15).

«Указательные частицы несколько перетягивают на себя значимость интонации: *А вот вороха морковки-на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла, кроваво сахарная, как арбуз* (Шмелев. Лето господне, с. 308). *А вон-соленье: антоновка, морошка, крыжовник, румяная брусничка с белью, слива в кадках...Квас всякий – хлебный, кислощeyный, солодовый, бражный, давний - с имберем...*(Шмелев. Лето господне, с. 308). *А вон чернослив моченый, россыпи шепталы, изюмов, и мушмула, и винная ягода на вязках, и бурачки абрикоса с листиком, сахарная кунжутка, обсахаренная малинка и рябина, синий изюм кувшинный, самонастояще постный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, калужское тесто кулебякой, белевская пастила...и*

пряники, пряники - нет конца (Шмелев. *Лето господне*, с. 310). *А вот лесная наша говядинка, гриб пошел!* (Шмелев. *Лето господне*, с. 310).

В указательных номинативных предложениях используется и сочетание частиц *вот и*: *Боже мой, боже мой, как медленно ехать! Когда была утрачена последняя надежда, кучер сказал: «Вон и станции»* (Толстой. *Мечтатель.*); *Вот и все* (Замятин. *Мы*, с. 347). *Вот и опять Москва, самая настоящая Москва* (Шмелев. *Лето господне*, с. 356).

Указательные предложения выделяются в особую группу номинативных предложений не только на основе структурных особенностей с использованием частиц, но и потому, что частицы помогают выразить специфику их семантики. В предложениях с частицей **вот** отмечается появление значения бытия предмета; сочетание **вот и** придает предложениям оттенок указания на появление предмета или явления, ожидаемого или упоминавшегося ранее: *Вот и польза от них государству* (А.Рыбаков. *Дети Арбата*, с. 305).

В предложениях с **вот** сильнее наглядно-чувственная сторона мысли, в предложениях с **вот и** оттенок непосредственного указания ослаблен, обращается внимание лишь только на появление ожидаемого предмета. Сравните: *Вот оно, утро Праздника, - Рождество* (Шмелев. *Лето господне*, с. 375). *Вот карточка* (Шмелев. *Лето господне*, с. 383). *Вот пискун* (Шмелев. *Лето господне*, с. 384). **Вот и всё** (Чехов. *Чайка*, с. 241). *Вот сюрприз!* (Чехов, Толстый и тонкий, с. 193). *Вот она, лошадка на дворе!* (Чехов. *Осенью*, с. 191). *Вот и Канава, с застоявшейся радужной водой.* За ней, над низкими крышами и садами, горит на солнце великий золотой купол Христа Спасителя. *А вот и болото, по низенке, - великая площадь торга, каменные «ряды», дугами* (Шмелев. *Лето господне*, с. 363). *Вот и лабаз Крапивкина* (Шмелев. *Лето господне*, с. 364). *Вот и портсигар* (Шмелев. *Человек из ресторана*, с. 72). *Вот Нина Ивановна, заплаканная, со стаканом минеральной воды* (Чехов. *Невеста*, с. 493).

Семантическая близость предложений типа *Это зима* и *Вот зима*, привлекавшая многих авторов, определяется близостью их логико-психологической основы. Явление действительности (предмет суждения) отражается в субъекте в виде наглядно-чувственных образов. На него указывается частицей местоименного происхождения *это*, а также указательным местоимением *это* и частицей *вот*. Однако виды мыслей, выражаемых в этих синтаксических синонимах, нетождественны. В предложении *Это зима* выражается суждение-наименование, а в предложении *Вот зима* – суждение-существование. Нюансы в значениях определяются использованием разных по лексико-грамматической природе указательных слов. Тонкая дифференциация оттенков более очевидна в контексте:

Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками и объясняет. Это лошадь, это канарейка, это ружьё... Вот клетка с птичкой, вот ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вот, посмотрите, это слон (Куприн. Слон).

Соседство этих моделей усиливает их сходство, насаивая одно значение на другое, тем не менее, семантические свойства предложений с *это* и *вон (вот)* вполне тождественны, хотя все-таки следует признать, что в двусоставных предложениях (*Это слон, Это лошадь*) имеет место наименование предмета, а односоставные предложения (*Вот клетка*) семантически раздваиваются: они содержат сообщение о наличии называемого и указываемого предмета.

Односоставная синтаксическая структура усиливает значение существования, делает его господствующим. Совокупность семантико-грамматических свойств и позволяет рассматривать предложения с частицей *вот* при главном члене как типичную для номинативных предложений группу. Однако отмеченная смысловая соотносительность указательных номинативных предложений с частицей *вот* и двусоставных предложений с подлежащим-местоимением *это* делает не вполне четкой

синтаксическую функцию главного члена, что особенно явственно проявляется в предложениях с использованием слов-омонимов *это* разной частеречной принадлежности (указательное местоимение и указательная частица).

Если предложения типа *Вот зима* близки по семантике к *Это зима, то* предложения типа *Вот и зима* близки к двусоставным предложениям, в которых сказуемые выражены глаголами со значением появления, наступления, обнаружения: *Вот и зима наступила. Вот и жених появился* и т.п., что позволяет говорить о нулевом сказуемом в предложениях типа *Вот и зима*, но рассматривать их как номинативные подлежащные предложения [14,132] .

Оценочно-бытийные номинативные предложения более эмоциональны по сравнению с собственно-бытийными. Они характеризуются оценкой предмета. Семантика оценочности предложений этой группы выделяется их структурой. Неопределённый признак оценочно-бытийных предложений составляют определения – качественные прилагательные вместе с местоимениями *какой, какая, какое, какие*. Эмоциональную окраску предложения осуществляют сочетания *что за, ай да, ну* и т.п.: *Какой аромат, граждане! Какой упоительный аромат!* (Паустовский. Мещерская сторона, с. 195). *Очаровательное утро!* (Паустовский. Мещерская сторона, с. 195). *Какой великий удел!* (Замятин. Мы, с. 338) *Ох, какая гадость!* Я открываю форточку. *Ах, весна! Такая теплынь и свежесть!* (Шмелев. Лето господне, с. 301). *Ай да любящий приемный отец!* (Булгаков. Последние дни, с. 260). *Удивительная «связь времен».* Знал ли я, садясь в конке на империял со своей нянькой, чтобы прокатиться в Коломну, что на остановке против Никольского собора на Екатерингофском я могу заглянуть прямо в окна квартиры Бенуа (Лихачев. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет, с. 49). *О, величественная машина большой больницы на налаженном, точно смазанном ходу!* (Булгаков. Морфий, с. 417).

Таким образом, оценочно-бытийные предложения более семантически нагруженные. Они обозначают бытие, предмета и выражают их эмоциональную оценку: Боже мой, какая красота! (Паустовский. Мещорская сторона, с. 195). Какое дивное очаровательное утро! (Паустовский. Мещорская сторона, с. 195). *Какой же великий торг!... Самопервеющая клюква! Архангельская клюква!..* (Шмелев. Лето господне, с. 307). *Утром выпал первый снег. Крепкий мороз. Какой мороз! На лестнице встретила с Вячеславом Ольшанским* (Островский. Как закалялась сталь). Какое прекрасное утро! (Чехов. Мужики, с. 207). Боги, Боги мои! Какая грустная вечерняя земля! (Булгаков. Мастер и Маргарита, с. 366). Ай да квартирка! (Булгаков. Мастер и Маргарита, с. 287). *О, какой рыцарский комплимент!* (Куприн. Юнкера, с. 97). *О, волшебная власть воспоминаний!* (Куприн. Юнкера, с. 91-92). О, ты, Родина! О, широкие твои сени – придорожные березы, синеющие дали верст, ласковый и утешительный привет безбрежных нив! (Б. Зайцев. Аграфена. Голубая звезда, с.46).

В предложении *Крепкий мороз* с повествовательной интонацией утверждается наличие крепкого мороза, а в предложении *Какой мороз!* с восклицательной интонацией дается и оценка его. Это значит, что каждое из этих двух предложений относится к разным подгруппам номинативных типов. Анализируя структуру и семантику эмоционально-оценочных бытийных предложений, А.К.Федоров отмечает: «можно ли усомниться, являются ли такие конструкции односоставными (1) *Какая тихая ночь! Словно нет войны* (Первомайский); (2) – *Что за отвратительный мирок!* - говорила Женя (Серебрякова). Ведь здесь, кроме сообщения о наличии предмета, дается и эмоциональная оценка его. Не являются ли эти оценочные слова сказуемыми к подлежащему - существительному? Вероятно, для такого вывода нет оснований. Какую-то долю предикативности они имеют, но местоимение какой, восклицательная частица что за, одна или вместе с прилагательными, не являются сказуемыми» [200, 145-146].

В.В. Бабайцева выражает полное несогласие с Н.Ю. Шведовой в том отношении, что номинативные предложения с конструктивно-значительными частицамипридающими предложению восклицательное звучание и новое (оценочное) значение, вместе с новым значением вызывает изменение всей синтаксической конструкции. На конкретных примерах В.В. Бабайцева правомерно доказала, что появляется новый подтип (разновидность) той же синтаксической конструкции (оценочно-бытийного односоставного номинативного предложения), но не в корне другого по синтаксической структуре (не двусоставного): *Мороз* (бытийное) — *Какой мороз! Такой мороз! Ну и мороз! Что за мороз!* и т.п. (оценочно бытийный тип односоставного номинативного предложения) [14, 134].

Наряду с оценочными частицами в оценочно-бытийных предложениях используются определения атрибутивного значения, что лишь расширяет (распространяет) синтаксический состав односоставного номинативного предложения второстепенным компонентом, не меняя подлежащей конструкции его центра. Например: *Какое дивное очаровательное утро!* (Паустовский. Мещерская сторона, 195). Какая великолепная музыка!

Нужно отметить, что при специфической (протяжной) интонации к этому типу будут, по нашему мнению, примыкать и предложения с частицей *вот*: *Вот моро-о-о-о-з!* Такая интонация придает высказыванию оценочную семантику.

При анализе собранного нами лингвистического материала из художественных текстов мы обнаружили предложения, которые назвали **побудительно-пожелательными**, потому что в эти номинативные предложения входят компоненты с семантикой **волеизъявления и пожелания**: *Добрый вечер*, Калерия Васильевна! (Горький. Дачники, с.195). *Доброе утро!* ...(Толстой. Анна Каренина, с.280). *Добрый путь! Счастливый путь! Внимание! Мир и согласие.* (Чехов. Леший). *Пожар! Пожар!* – раздался внизу отчаянный крик. – *Горим!* (А.П. Чехов); *Счастливый путь, сосед мой дорогой!* (И.А. Крылов).

Данная группа номинативных конструкций довольно малочисленна, но по сравнению с другими очень употребительна в разговорной речи. Побудительно-пожелательные предложения представляют специфическое содержание мысли: **желательность** бытия, обозначенного формой существительным в именительном падеже: - **Ток!**- *коротко бросает Иван Иванович... Снова разрез электроножом. Большую тошнит. А операция идет своим чередом.- Воск, ножницы! Ток!* (Коптяев. Иван Иванович).

К собственно-назывным предложениям, нам представляется, следует относить заголовки книг, журналов, названия картин, музыкальных произведений, названия учреждений, предприятий, газет, вывески и т.п. Например, названия произведений: «Капитанская дочка». «Дети Арбата». «Мастер и Маргарита», «Война и мир», «Записки охотника»; названия газет: «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Экономика и жизнь»; названия вывесок: Дамский салон. Мужская обувь, Гастрономия.

«Заголовки произведений или отдельных глав мы считаем предложениями, так как они утверждают, что эти произведения, имея то или иное название, следовательно, нечто сообщают. Кроме того, они грамматически оформлены и имеют модальность реального факта. Эти предложения - названия широко употребляются при изложении содержания какого-то произведения, главы и т. п., для создания канвы рассказа: *Весна. Отщельник. Сергей и церковь. Общежитие и тернии. Сергей и государство. Вечерний свет. (Борис Зайцев Преподобный Сергей Радонежский, с.186-232). Объявление. Мудрейшая из линий. Поэма. Балет. Квадратная гармония. Икс. Пиджак. Стена. Скрижаль.Квадрат. Владыки мира. Приятно-полезная функция. Литургия. Ямбы и Хорей. Чугунная рука* (Замятин. Мы, с.307-336).

А.С.Попов разработал функции газетных заглавий: 1) номинативная, 2) информативная, 3) рекламная [142,96].

«Номинативная функция – это онтологическая функция, исходная функция заглавия: заголовок призван обозначить статью, назвать её, выделить среди других статей» [142,96].

Номинативная функция наиболее ярко проявляется в форме имени существительного в именительном падеже, основное назначение которого и состоит – в лексическом плане – в простом названии. Все прочие отрезки речи, используемые в качестве заглавий, выступают в позиции именительного падежа имени существительного, приравниваются к нему. Вследствие этого и возникает возможность понимать все заглавия, независимо от их структуры, как наименования, названия статьи, книги. Эта функциональная общность заглавий, при всем их структурном разнообразии, ярко обнаруживается, когда они употребляются в непрямом назначении рядом со словом статья, заметка, корреспонденция и т.п.:

Они часто встречаются в различного рода программах:

*Эта наша программа задушевная, а вот программа официальная:
Оригинальные и переводные романы, повести, рассказы, сцены,
стихотворения, бытовые очерки из жизни народов, описание выдающихся
исторических моментов и достопримечательных местностей, биографии
выдающихся деятелей.*

- 1. Известия и обзоры искусств: театра, музыки, живописи и проч. С критической в нужных случаях оценкой. Обзорные русских и иностранных книг и периодических изданий.*
- 2. Обзорные русских и иностранных книг и периодических изданий.*
- 3. Фельетон и хроника общественной жизни (Чехов. Гимназическое, стихотворение, записки в альбомах...).*

Поскольку каждое заглавие информирует читателя о содержании, это значит, что заголовки отвечают понятию предложения, но номинативного типа.

Таким образом, всякие заголовки, нам представляется, являются номинативными предложениями.

Именительный представления в форме именительного падежа существительного обладает своеобразной интонацией. В начале текста он называет предмет мысли последующего текста.

Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны – вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармонии (Шмелев. *Лето господне*, с.407).

Именительный представления – это своеобразная двукомпонентная мысль: название, (то есть логико-психологическое). Соседствующее ... (многоточие) рядом с именительным представления создает своеобразный чувствительный и эмоциональный подтекст.

Даже при «словесном именительным темы» на первом плане - не обозначение темы, а стремление вызвать наглядно-чувственный образ. Например: *Какими путями возник в сознании юноши этот образ России, из каких впечатлений соткался в его воображении? Вечерний пейзаж, ворон, Мамай, темное предание о каком-то разбойнике Митке...* (Емельянов. Бунин, 628). *Эльдорадо. В самом деле: есть ли где счастье, мудрее, безоблачнее, чем в этом чудесном мире?* (Замятин. Мы, 351).

Представление, пишет В.В.Бабайцева, не выражается словом (слово связано с понятием), однако степень индивидуальной наглядно-чувственной основы понятийного значения слов может быть различной. Чувственная основа понятия максимально усиливается в рассматриваемом типе предложения, коммуникативным названием которого и является стремление обозначить наличие представления в мыслях говорящего (думающего) и вызвать обобщенный наглядно-чувственный образ называемого предмета в сознании собеседника (читателя). Поэтому, не соглашаясь с общей оценкой этого языкового явления у А. М. Пешковского (он не считает «именительный представления» предложением), мы находим

термин, используемый им, наиболее приемлемым, так как он прямо указывает на коммуникативное назначение этой синтаксической модели [14, 139].

Разную степень наглядно-чувственной основы одного и того же слова очень наглядно показывает В. В. Бабайцева, сопоставляя следующие примеры: Семья важна в человеческой жизни. Семья! Ах, как это важно в человеческой жизни!

В первом предложении, выражающем типичное логическое суждение с вербализованным субъектом и предикатом, слово **семья** обозначает наиболее существенные свойства данного явления (наглядно-чувственная основа предельно ослаблена). Во втором случае на первом плане наглядно-чувственные свойства явления, которые могут быть индивидуальны: для одного семья - это дети, их крики и т.п., для другого - уютный диван, газета, жена возится на кухне и т.д. [Бабайцева, 139-140].

Специфика логико-психологической основы и коммуникативного значения «именительного представления» определяет его стилистическую роль. Данная синтаксическая конструкция является одним из выразительнейших средств художественной речи, так как позволяет освежить чувственную основу слова, без длинных описаний вызвать представление в сознании собеседника [Бабайцева, 140]: *Хлеб! Что может быть на свете важнее его? Хлеб! Взяв его в руки, ещё раз вспомним с сердечным участием о руках, посеявших, вырастивших, выпекших этот хлеб и положивших его нам на стол* [Из журнала «Русский язык в школе», №5, 1975, 71].

Именительный темы может выделять не только тему последующего высказывания: он обозначает элемент высказывания, на который говорящий хочет обратить внимание, чтобы опираясь на него, построить всё сообщение целиком: *Казак! Этот человек самый император, который писал о пирамидах бессмертно* (Булгаков. Война и мир, 563).

Определить интонацию, с которой произносится именительный темы, можно было бы по конечным знакам препинания, но они разнообразны. Чаще всего это многоточие:

Родной язык... Чего, казалось бы, проще дать ему определение. А между тем как в отечественной, так и в зарубежной этнолингвистике понятие родного языка до сих пор не получило однозначного, исчерпывающего толкования.

Жизнь! А в какое необыкновенное время я «посетил» (Тютчев) свою страну. Я застал все роковые её годы, видел множество людей всех возрастов, всех социальных слоев, всех степеней образования, всех психологических типов: и тех, кого мог бы назвать святыми, и тех, хуже которых трудно себе представить: прямых убийц тысяч и тысяч людей (Лихачев. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет, с.115).

Они широко используются в публицистике для создания высокой тональности, торжественности, приподнятости речи, хотя нередко встречаются и в устной разговорной *речи*. Например:

Честь. В сфере морали это понятие чрезвычайно важно, но честь – это двуликий Янус. С одной стороны, есть честь внешняя. Человек защищает свою честь. Он не терпит оскорблений или того, что ему представляется оскорблением. Он этого делает главным образом для окружающих. Такова в значительной своей доле была честь дворянина, честь офицера (Лихачев. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет, с.327-328).

Лексическим значением существительного ограничивается в известной мере образное наполнение «именительного представления». Более наглядным будет «именительный представления», выраженный конкретным существительным; менее наглядным - выраженный абстрактным существительным, но это не лишает последний характерных свойств данной синтаксической модели [Бабайцева, 140]: *Звуки Петербурга!* Конечно, в первую очередь вспоминаешь цокание копыт по булыжной мостовой (Лихачев. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет, с.30).

Первые кинематографы. Совсем забыли, что на узкой Офицерской против нашего дома был кинематограф «Мираж». Он был сделан из нескольких магазинов, соединенных вместе (Лихачев. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет, с.34).

Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю – тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл (А.Блок. О назначении поэта, с.502).

Номинативные предложения даже в лирических произведениях стали часто употребляться с начала 20 века:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.

(А. Блок. Стихотворения. Поэмы, с.157).

Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, Ветер!

На ногах не стоит человек.

(А. Блок. Стихотворения. Поэмы, с.374).

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Очертанья столицы во мгле.

(Анна Ахматова, с. 52).

Синий вечер. Ветры кротко стихли,

Яркий свет зовет меня домой

(Анна Ахматова. Обман, с. 12).

Вот и берег северного моря,

Вот граница наших бед и слав...

(Анна Ахматова, с. 63).

В современной прозе номинативные предложения настолько употребительны, что подчас служат единственным средством широких описаний обобщающего характера, поскольку дают возможность сделать это в предельно краткой и штриховой, эскизной форме. Например: *Дубы оракула в Додоне, снега Парнаса, мед гиметский, Ликабета холм над Афинами, сумрак вечерний и огоньки в городе – дальный, безбрежный вздох ветра с гор. Стрекотанье цикад. Запах тмина. Круг моря, смутно висевшие, нас сторожащие, гор оцепленья.*

Мраморы Элевзина! Плеск волны. Нереиды и Розы, гробницы Аттические, медленный лет пчелы (Б. Зайцев. Белый свет, с. 173).

Ледники, мамонты, пустыни. Ночные, черные, чем-то похожие на дома, скалы; в скалах пещеры (Е. Замятин. Пещера, с. 185). В пещерной петербургской спальне было так же, как недавно в ноевом ковчеге: *потопно перепутанные чистые и нечистые твари. Красного дерева письменный стол; книги; каменно-вековые гончарного вида лепёшки; Скрябин опус 74; утюг; пять любовно, добела вымытых картошек; никелированные решётки кроватей; топор; шифоньер; дрова. И в центре всей этой вселенной - бог, коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый, жадный пещерный бог: чугунная печка.* (Е. Замятин. Пещера, с. 185-186).

Номинативные предложения широко используются в очерках, репортажах в газетных жанрах, так как в силу краткости они позволяют полно изобразить ситуацию. Даже целые абзацы состоят из одних номинативных предложений: *Царица муз и красоты. Нежная пери. Мелодичная фея. Счастлирое произведение судьбы.* «Сию минуту иду к княгине Зинаиде с Сен-При: она здесь поселилась, и все у ног ее, - «рапортовал» друзьям Константин Батюшков, едва ступив на берег Одессы, - говорят поэт прелестно и очень любезна(Дарья Ефремова. Газета «Культура» №43 15-11 декабря 2014, с.16). Обеды, ужины и танцы. Бархаты и соболя. Конечно же, «грибки, да кисельки, щи, каши

в ста горшках». В 30 километрах от Вязьмы, в тени старинного регулярного парка расположилась одна из самых красивых усадеб Смоленщины (Дарья Ефремова. В деревню, к дяде. Культура , №1 16- 22 января 2015, с. 13). Мы проходим по анфиладе комнат. Портреты императоров, зеркала в золоченных рамах, голландские печи с изразцами, диваны и кресла в стиле ампир (Дарья Ефремова. В деревню, к дяде. Культура , №1 16- 22 января 2015, с. 13). Персия и Кавказ – тема большого аванзала. Модные в позапрошлом столетии рисунки «Кавказские типы», портрет генерала Ермолова, персидская чернильница, орден Льва и Солнца (Дарья Ефремова. В деревню, к дяде. Культура , №1 16- 22 января 2015, с. 13).

С давних пор номинативные предложения характерны в ремарках: *Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Тихий сидит за письменным столом в штатском платье (Булгаков. Бег, с.147). Поляна перед террасой дачи Басова, окруженная густым кольцом сосен, елей и берёз. На первом плане с левой стороны две сосны, под ним круглый стол, три стула. За ними невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы группа деревьев, в ней широкая скамья со спинкой. За нею дорога в лес. Дальше, в глубине правой стороны, небольшая открытая сцена раковинной, от неё – справа налево – дорога на дачу Сулова. Перед сценой несколько скамей. Вечер, заходит солнце. У Басовых Калерия играет на рояле. Пустобойка медленно и тяжело двигается по поляне, расставляя скамьи. Крапилкин с ружьём за плечами стоит около елей (Горький. Дачники, с.210). Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулемёты. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах*

рассвет. За стеной грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии (Булгаков. Дни Турбиных, с. 92).

Номинативы могут функционировать не только как самостоятельные предложения, но и входить в состав сложных предложений: *Вечер, заходит солнце* (Горький. Дачники, с.210). *Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее* (Паустовский. Снег, с.265). *И снова спокойная могучая река, синие скалы, бескрайняя тайга, солнце в голубом небе, все это щедро и обильно сотворенное для благалюдей. Тихий плес, мелкие безымянные перекаты. На правом берегу деревня Кода, где все Рукосуевы и куда спецпереселенцы обращались за помощью и не получили её. И она тоже тихая, спокойная, безлюдная* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.306).

В некоторых случаях номинативные односоставные предложения выступают как конstituанты своеобразных кольцевых композиций: *Пост. Желтым маслом политые колеи. Не по-зимнему крикучие стаи галок в небе.* В один жалобный колокол медленно поют пятиглавые Николы, Введенья и Спасы. *Старинные, дедовские кушанья: щи со сметками, кисель овсяный – с сусликом, с сытой, пироги косые со щучьими телесы, присол из живых щук, огнива белужья в ухе, жаворонки из булочной на горничном масле. И Пасха, солнце, звон – будто самая кровь звенит весь день* (Замятин. Русь, с. 229).

Увеличение номинативных предложений в письменной речи объясняется стремлением к сжатости речи, простоте звучания, быстроречности времени: И вот она едет в таком вагоне, в таком купе, все в бархате, в бронзе, даже дверные ручки бронзовые. *В коридоре мягкая дорожка, на окнах бархатные занавесочки, на столе лампа под красивым абажуром.* Проводник в форме разносит чай в массивных

подстаканниках, вежливый, предупредительный, с Костей особенно (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 308).

Употребление цепочек номинативных предложений усиливает эмоциональную насыщенность текста, повышает степень выразительности произведения: *Белые замшевые тугие перчатки на руках; барашковая шапка с золотым орлом лихо надвинута на правую бровь; лакированные, блестящие сапоги; холодное оружие на левом боку; отлично сшитый мундир, ладно, крепко и весело облегающий весь корпус; белые погоны с красным витым вензелем «А.!!»; золотые широкие галуны...* (Куприн. Юнкера, с. 91).

Итак, номинативные предложения – это своеобразно краткая, выразительная, всесторонне охватывающая форма восприятия изображения картины окружающего мира природы, обстановки, внутреннего состояния человека. Все виды номинативных предложений имеют место в художественной литературе разных жанров, даже в поэтических произведениях.

ГЛАВА 2. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Описание результатов критического анализа номинативных предложений в таджикском языке

В синтаксической системе современного таджикского литературного языка наличествует односоставное номинативное предложение. Номинативные предложения нашли отражение в научных работах Б. Ниязмухамедова, Б. Камолиддинова, М. Н. Касымовой, М. Норматова, Ш. Рашидова и др. Номинативные предложения включены в учебные программы всех педагогических вузов и общеобразовательных школ Республики Таджикистан. Однако в процессе классификации односоставных предложений, в том числе и номинативных исследователи приходили к неодинаковым заключениям. Выделение номинативных предложений в самостоятельный структурно-семантический тип предложений таджикского языка не подлежит возражению, однако следует признать, что проблема грамматического статуса номинативных предложений, выявления его типов и подтипов имеет значительные расхождения в силу недоучёта фактического материала, индивидуальной специфики исследователя, а также программных требований изучения таджикского языка на разных этапах обучения общеобразовательной школы.

Таджикские исследователи единодушно признают односоставность структуры номинативных предложений. Авторы научных работ признают главным членом номинативных предложений подлежащее.

Грамматическую специфику номинативных предложений составляет обозначение главного члена формой имени-основы существительного без служебно-предикативного слова. Предикативная суть номинативных предложений имеет чисто имплицитный способ, выражаемый интонационно.

Имя-основа главного предикативного компонента имеет определенное выражение предмета или класса предметов окружающего мира. Грамматическая форма главного компонента номинативных предложений всегда характеризует предложение как утвердительное, достоверное и сиювременное, (то есть настоящего времени): *Дар берун борон меборид. Борони пуришддати айёми баҳорон* (Муҳаммадиев. Шоҳии япон, 396).- *На улице шёл дождь. Сильный весенний дождь. Шаб. Торик. Орому сокит. Афлок ва афрод ҳама хоб. Зану мард низ. Лекин танҳои танҳо не, ҳоло онҳо се нафаранд ва сеюмӣ чунон беқарор аст, ки ҳар лаҳза дуи дигарро бедор мекунад ва зан ба мард мегӯяд: «Шукронаи зиндагӣ»* (Абдурахмон Расулӣ. Савти хиромон, 146). – *Ночь. Темнота. Тишина и молчание. Небеса и люди все во сне. Мужчина и женщина тоже.*

Номинативные предложения таджикского языка имеют всего одну модель: N.

Следовательно, субстантивно-номинативные предложения подобной структуры (N) соответствуют только информации номинации предмета. Поскольку информация о номинации предмета интонационно специфична, это характеризует её как самостоятельную предикативную номинативную синтаксическую единицу. Как все другие самостоятельные синтаксические единицы они способны вступать в цепочные отношения с иными предложениями в составе сложных. Имя-основа в составе главного члена предложения с объектной семантикой предмета внешнего мира интонационно соотносится с планом синтаксического времени с семантикой предиката будан (быть, являться). Грамматическая специфика предложения исключает вербализацию предикативного значения средствами языка. Лексическая семантика главного члена в этих предложениях является субъектная. Следовательно, семантическая и синтаксическая структура номинативных предложений субъектная. В грамматическом плане номинативные предложения являются такими же коммуникативно-предикативными единицами языка, как и другие типы предложений.

Монографические исследования номинативных предложений в таджикском языке отсутствуют, хотя в исследованиях простого предложения имеется объект номинативных предложений. Ценный материал представляет диссертация Ш. Рашидова «Простые односоставные предложения в современном таджикском литературном языке» [159] и работа М. Норматова и Ш. Рашидова «Омӯзиши чумлаҳои соддаи яктаркиба» («Изучение простых односоставных предложений » [125]).

Номинативные предложения имеют место в учебниках и учебных пособиях по таджикскому литературному языку, Грамматике современного таджикского литературного языка.

Анализ существующих научных первоисточников таджикского языкознания свидетельствует о том, что проблема номинативных предложений ещё недостаточно исследована.

Приведём несколько определений номинативных предложений, которые имеются в различных источниках. Ш. Рашидов даёт следующее определение назывных предложений: «Предложения, в которых называется предмет и не объясняется его состояние, называются номинативными». И далее: «в... номинативных предложениях утверждается наличие, существование явления или предмета, называемого главным членом» [159, 20]. В номинативном предложении отсутствует сказуемое. Если добавить какое-нибудь сказуемое, номинативное предложение теряет своё свойство и превращается в двусоставное предложение. «Предмет, события и др. обладают каким-то неопределённым признаком», утверждает Ш. Рашидов. И в связи с этим делается вывод: «...было бы неверным добавлять к номинативным предложениям сказуемое, приписывать его подлежащему какой-нибудь признак или состояние» [159, 20].

В Грамматике современного таджикского литературного языка отмечается, что назывные предложения являются односоставными номинативными предложениями. В таких предложениях наряду с тем, что грамматический предмет указывает время, место, событие, явление,

действие, процесс, признак и состояние, выражает бытие и существование предмета. Однако семантика (значение) существования предмета в данных предложениях выражается другими грамматическими средствами, и приводятся следующие примеры: *Айёми тобистон. Офтоби чаҳонтоб бар болои сар баромада, кӯҳу биёбонро баробар равшан ва гарм карда буд (Айнӣ).*- *Летняя пора, солнце стояло прямо над головой и одновременно стало светло и тепло в горах и на полях. Ҳангоми чошт буд. Дар отрядхона гайр аз командир ва чанд нафар навбатчиҳо ва саусхо дигар ҳеҷ кас набуд; Пагоҳӣ,соат наздики даҳ. Дар чойхонаҳо деҳқонони аз дуру наздик омадагӣ ва баъзе коркунон машгули чойнӯшӣ.*- *Было время завтрака. В отряде, кроме командира и нескольких дежурных конюхов, никого не было. Утро, около десяти часов. В чайхане дежкане, приехавшие издалека и ближайших мест, и некоторые работники заняты чаепитием* [56, 338].

Анализируя данные предложения, авторы Грамматики современного таджикского литературного языка отмечают, что предложения *Тобистон - Лето. и Субҳ. - Утро.* номинативные, *Вакти авкот буд. Было обеденное время* – двусоставное. В двусоставном предложении предикативное отношение выражено при помощи глагола **будан (быть)**. Глагол указывает на наличие времени, однако в назывных предложениях значение существования (бытия) выражается при помощи интонации. Оба предложения: и номинативное предложение и двусоставное предложение (в приведенных примерах)- имеют одинаковый интонационный рисунок, и в обоих предложениях наблюдается нисходящая интонация. В нераспространенных номинативных предложениях интонация восходящая. Этот интонационный рисунок и пауза отличают номинативные предложения от других предложений.

Отмечается также, что не все слова могут образовать номинативные предложения. Грамматическую структуру и семантику номинативных предложений составляют имена существительные или субстантивированные слова (лексемы с предметным значением). Так, например, наречия времени

имрӯз (сегодня), **пагоҳ** (завтра), **порсол** (прошлый год), **хамеша** (всегда) и др. не могут быть номинативными предложениями, однако, когда производные от них слова подобно **пагоҳӣ** (утро), **беғоҳӣ** (вечер) получают предметное значение, они при помощи интонации выражают предикативные отношения и могут выполнять роль предложения. Конечно, не все слова, обозначающие предмет и указывающие на бытие (воқеият – существование) могут образовать номинативные предложения. Например, существительные с артиклем неопределенности – **е** (подобно **хавлие** – какой-то двор, **сахрое** – какое-то поле) не могут образовать номинативные предложения. Не могут выполнять коммуникативную функцию слова, сочетающиеся с предлогами и послелогоми (синтаксические сочетания, имеющие в своём составе предлоги и послелог). Только определенные слова с ограниченными значениями и формами могут образовать номинативные предложения. Далее автор приводит примеры: *Дар баҳори соли 1931 ман ҳам дар қатори рафиқони дигар сафарбар шуда будам... Зимистони сарди соли ҳафтодум. Вай наздикӣбо ҳазорон азобу машаққат аз мардикорӣ гашта омада буд* (Ҳаким Карим).

В учебнике «Гаджикский язык» С. Дж. Арзуманова, А. Сангинова дается лишь очень общее определение назывного предложения без указания грамматических признаков. «Назывным называется такое предложение, в котором упоминается какой-нибудь предмет, но ничего больше о нём не говорится» и приводятся примеры: *Баҳор. Дарахтҳои гулгарда. - Весна. Деревья в цвету.* Других сведений и примеров в данном учебнике нет [12, 245].

Более пространное определение номинативных предложений дано М. Норматовым: « Эти предложения называют (указывают) предмет, явления, состояние, место и время и одновременно утверждают наличие существования названного предмета: *Бухоро. Субҳи содиқ медамад.- Бухара. Светает. (Рассвет); Рӯзона. Дар хайма Лена хобидааст. – Днем. В палатке спит Лена* [124, 35].

В вузовском учебнике по современному таджикскому языку (1970 год) даётся следующее определение: «Простое односоставное предложение, в котором предмет или явление называется, но о нём ничего не сообщается, называется номинативным предложением», - и далее отмечается, что номинативные предложения не употребляются вне текста [70, 187]. В этом определении также нет речи о грамматических особенностях выражения данного типа предложений. Такая дефиниция не учит студентов профессиональной наблюдательности, не ориентирует их внимание на грамматическую специфику каждого синтаксического типа.

Представляется, на наш взгляд, полезным также обратиться по данной проблеме и ещё к одному источнику, а именно: к персидскому языку, являющемуся близкородственным таджикскому языку. В персидском языке номинативные предложения тоже выделяются в качестве самостоятельного структурно-семантического типа односоставных предложений. Так, например, Ю. А. Рубинчик считает номинативные предложения в персидском языке самостоятельным структурно-семантическим типом односоставных предложений и отмечает, что «к номинативным (или назывным) предложениям относятся односоставные предложения, главный член которых обозначает наличие, существование предмета или явления и выражен именем существительным, личным местоимением, субстантивированной частью речи, а также количественно-именным сочетанием. Номинативное предложение может быть представлено словом или словосочетанием: *Чумъа. Чӣ рӯзи хуш!*- *Пятница. Какой прекрасный день! Панҷ рӯзи истироҳат.- Пять дней отдыха*» [173, 396]. Во всех других источниках даётся подобное же определение, и потому нет необходимости приводить и анализировать их.

Как явствует из вышеизложенного, анализ научной литературы и других первоисточников, посвященных вопросу назывных предложений в таджикском языке, свидетельствует о том, что этот вопрос лишь ставился в лингвистической литературе, но не нашел должного освещения и

дифференцированного описания всех синтаксических аспектов данного грамматического явления, не выделены типологические модели, характеризующие совокупность семантических и грамматических особенностей, структурный состав данного типа предложений, хотя и следует отметить, что каждый автор дополнял постоянно нужную информацию. Наиболее полные сведения имеют место в работе Ю.А. Рубинчик, но и в ней отсутствует классификация назывных предложений, хотя данные для выводов в этом отношении имеются [163, 397].

2. 2. Грамматическая характеристика номинативных предложений таджикского языка

В научных и методических первоисточниках, в которых имеются описание номинативных предложений как одного из типов предложений таджикского языка в составе других односоставных предложений, определяется грамматическая (именная) природа главного члена и синтаксическая функция его как подлежащего.

Главный член номинативного предложения в таджикском языке, как и в русском выражается:

1) именем существительным в форме имени-основы: *Нисфирӯзӣ*. Понздаҳ нафар аъзои бригада дар сояи паси ягонаи хонаи тахтагин, ки чои либосивазкунии коргарон буд, болои санғо нишастаанд (Маъруф Бобочонов. Нияти нек, с. 307). *Бегоҳӣ*. Вақти корбаро наздик мешуд (Маъруф Бобочонов. Шаби охирин, с. 62). – *Вечер*. Приближалось время выхода на работу. *Охирҳои моҳи июн*. Бригадаи онҳо бригадаи нави дар Норак ягонаи комплексӣ аст (Маъруф Бобочонов. Нияти нек, с. 306). – *Конец (месяца) июня*. Их бригада единственная новая комплексная бригада в Нуреке. *Шаб*. *Насими бӯйи пудинаҳои кӯҳиро ба димоғ мерасонд* (Р.Чалил). - *Ночь*. *Ветерок доносил запах горной мяты. Бешаи туп-торик*. *Шамол гуввос мезад. Дарахтон бо нолиши гичирросзанон хуштак*

мекашиданд. (Ф.Ниёзи. Вафо. с. 400). *Тасодуфи аҷоиб!* (Ҷ.Икромӣ. Мангунаҳгорам, с. 108). - *Удивительное совпадение!* (Д. Икромӣ. Признаю себя виновным, с. 89);

2) **количественно именным сочетанием:** *13 май. Чоштгоҳӣ.* Харду ворида кабулгоҳи сардори управленияи сохтмони сарбанд Мухаммад Хазратов мешаванд (Маъруф Бобочонов. Нияти нек, с. 62). – *13 мая. Позднее утро.* Оба вошли в приемную начальника управления строительства плотины Мухаммада Хазратова. *Зимистони қаҳратуни соли 1916.* Садои мудҳиши чанги якумини чаҳон аз хати фронт ҳазорҳо километр дуртар, дар музофоти Қалъаи Хумб ҳам расид (Ш.Сокин. Ҳамнафаси халқ, с. 142). Аввалҳои соли 1963. Мирзо Турсунзода айнакашро гирифта як тараф гузошта, аз рӯи коғазҳо сар бардошт (Зариф Фулом. Писари шоир. Садои шарқ, №2, 2008.- с. 56). - Начало 1963 года. Мирзо Турсунзаде, сняв очки, и положил их в сторону и поднял голову над бумагами. Тошканд. Соли наҳси 37-и қарни гузашта. Тирамоҳ гарчанде кайҳо дар сарзамини Осиёи Марказӣ ҳукмашро чори карда бошад, вале фасли тобистон шиддати гармии худро пст кардан набуд (Зариф Фулом. Писари шоир. Садои шарқ, №2, 2008. - с. 46).

3) **местоимением:** *Аноргул, ана ман* (С.Улугзода, Восеъ, с. 61). – *Аноргул, вот и я* (С.Улугзаде. Восе, с.113). Ана вай (Султон Сафар. Бақои умр, с. 382). – Вот он.

Номинативное предложение характеризуется предикативностью. Но в отличие от других структурных типов предложений предикативные значения в составе номинативных предложений выражаются посредством интонации.

В таджикском языке, как и в русском, номинативные предложения могут быть повествовательными и восклицательными:

Дар як гӯша тақрибан панҷоҳ адад чилим гузошта буданд. Чилимҳои хурду калон, чилимҳои одди аз каду сохташуда ва мисини кунгуракори (Мухаммадиев. Дар он дунё, 204). - *Поодаль в одном из углов штук пятьдесят кальянов, больших и маленьких, сделанных из тыкв или медных,*

украшенных прихотливым чеканным орнаментом, ожидали клиентов (98). Баҳори зебои сарзамини қадимаи водии Ҳисор! Чаҳор сӯ мешукуфт (Ниёзӣ). – Красивая весна древней земли долины Гисара! Все вокруг цвело.

Номинативные предложения опять же, как и в русском языке, могут быть нераспространенными, т. е. иметь в своём составе только один главный член:

Шаб. Шаҳр гарқи нур гашта буд (Насриддинов).- *Ночь. Город был в иллюминации. Бухоро. Даргоҳи шох* (Сорбон. Актер, с. 139). - Бухара. Дворец шаха - и распространены, когда главный член имеет при себе второстепенные члены, чаще всего определение:

Қишлоқи Гулистон. Қойи зоидашуда, калоншуда ва нашъунамо ёфтаи ӯ. Ин чӣ манзараи зебо, ин чӣ водии фараҳафзо! (Икромӣ. Шодӣ, с. 6). - *Кишлак Гулистон. Место, где он родился, вырос, процветал. Какая великолепная природа, какая чарующая долина! Табиати бераҳм, тобистони кутӯҳу зимистони дуру дароз дарҳои танг ва доманаҳои камбари кӯҳ* (Рахим Чалил. Шуроб, с. 35). *Зани дилкаш* (Ф.Мухаммадиев. Шаби саввум с. 313). *Шаби концерти хотимаӣ* (Ф.Мухаммадиев. Нориниёнем мо с. 131).

По вопросу состава второстепенных членов в номинативных предложениях в таджикском языке лингвисты имеют неодинаковые мнения. В примерах некоторых учёных имеются конструкции только с определениями к главному члену номинативного предложения. Такого мнения придерживаются М. Норматов и Ш. Рашидов. По их мнению, в номинативном предложении из второстепенных членов используется только определение, другие второстепенные члены невозможны [125, 122]. Академическая Грамматика современного таджикского литературного языка признаёт наличие в номинативных предложениях обстоятельств и даже объектных детерминантов [56, 339], о чём свидетельствуют примеры: *Пешивозгирӣ дар саҳни ҳавлӣ. – Встреча во дворе дома.*

Однако, как показывает сравнительный анализ номинативных предложений русского и таджикского языков, в структуре данных конструкций могут быть и дополнения: Вот тебе и закон! (Горький. Враги, с.487). – Ана барои ту қонун (Горький. Душманҳо, с.326).

В таджикском языке главный член номинативного предложения пополняется второстепенными членами по-разному:

а) путём образования словосочетания с главным структурным элементом номинативного предложения посредством изафета или предлога: *Фасли хазонрез. – Осенняя пора. Ҳавлии даруни хонаи бой. – Внутренний двор байского дома. Шамолҳои сахти охири тирамоҳ. – Сильные ветры конца осени. Вохӯрӣ баъди чандин сол. – Встреча спустя несколько лет. Пешвозгирӣ дар сахти ҳавлӣ.- Встреча во дворе дома и др.;*

б) посредством конкретизации предложения обстоятельственными детерминантами с временной семантикой и значением места, объектными детерминантами. В структуру подобных номинативных предложений входят детерминанты со значением времени и места, а также иногда объектные детерминанты (косвенное дополнение):

(1) *Як ҳавлии дарунберуни ҳангомадор. – Пышная усадьба. (2) Дар ҳавлии дарун чор хона, як ошхона ва танӯрхона. – Во внутреннем дворе четыре комнаты, кухня и танур. (3) Даруни анбор – дуқатора хумҳои пур аз ҷаву гандум, загиру кунҷит. – На складе – в два ряда, полные пшеницей и ячменем, льном и кунжутот большие кувшины (АГ).*

Хотя в типичных номинативных конструкциях дополнения и обстоятельства к главному компоненту не должны быть, в современном таджикском литературном языке широко употребляются предложения с обстоятельственными и объектными детерминантами:

Фасли зимистон. Ҳамсарам дар деҳа. Хона бетартиб. Ночор ба деҳа рафтам. – Зима. Жена в деревне. В доме беспорядок. Поневоле поехал в деревню (Эҳсон Субҳон. Донаи умед, 21).

Необходимость использования синтаксического второстепенного члена следует рассматривать в целях коммуникации. Когда цель коммуникативного характера состоит в том, чтобы констатировать бытие предметов, в чём и заключается синтаксическая функция номинативных конструкций то подобные предложения аналогичны номинативным конструкциям. Главный член выделяется логическим ударением, а обстоятельственные детерминанты интонационно ослаблены, то есть в грамматическом отношении в подобных предложениях происходит в определенной степени как бы объединение подлежащего с второстепенными членами (главного компонента высказывания. Например, во внеконтекстных (внеречевых) ситуациях предложения *Ҳамсарам дар хона. - Хона бетартиб.* невозможно отнести к тому или другому структурно-семантическому типу. Это значит, что для синтаксической интерпретации аналогичных предложений необходимо иметь в виду интонационные особенности, свойственные коммуникативной заданности конкретного предложения. Когда предложение членится на два состава или когда интонационного членения не происходит: в некоторых ситуациях логическое ударение объединяет главный компонент с именем существительным с предлогом, а в других ситуациях имеет место интонационная членимость главного компонента высказывания и второстепенных членов. Определенное значение имеет и учет порядка слов в предложении, а также взаимоотношение с другими частями высказывания, что четко проявляется в нижеследующем тексте:

Дар тарафи рости роҳи мумфарш, ки аз дарвозаи босалобати автобаза сар мешуд, бинои сафеди чорашёна сар афрохтааст. Яке аз хонаҳои равшани озодаи ин бино кабинети саринженер. Дар гӯшаи кабинет ҷавони нави сурхтобе. Ҷевон пур аз китобу папкаҳои хурду калон. Дар гӯшаи дигар сейфи оҳанин. Болои курсичае ҳавотозакунаке, ки бо як маром давр мезанад. Дар пешгоҳи назди тиреза мизи оҳанин. Рӯи миз бо мовути кабуд пӯшида. Дар паси миз ҷавонмарди навчаи мӯяш сиёҳи чингилае чаши

ба хучҷатҳо зарқи фикру хаёл (Муқимов. Саринженер, с. 21). – С правой стороны асфальтированной дороги, начинающейся с внушительной двери автобазы, стоит четырёхэтажное здание. Одна из чистых светлых комнат этого здания - кабинет главного инженера. В одном углу краснощёкий молодой человек. Шкаф, полный книг, больших и маленьких папок. В другом углу железный сейф. На табуретке вентилятор, который вертится в одном направлении. Перед окном рабочий стол. Стол, покрытый синим сукном. За столом, погруженный мыслью и внимательно смотрящий документы, черноволосый кудрявый молодой человек. Ин як чизи маъмул шуда мондааст. Митинг дар корхона, митинг дар майдон, митинг дар кӯча, митинг дар клуб, митинг дар чойхона (Расулӣ. Савти хиромон, 131). – Это стало обычным явлением. Митинг на работе, митинг на площади, митинг на улице, митинг в клубе, митинг в чайхане.

Номинативные предложения в практическом аспекте являются средством, как будто специально предназначенным в целях описания предметов и явлений вне нас существующей действительности. Изобразительная значимость этого средства описания внешнего (да и внутреннего) мира заключается, по всей вероятности, в их своеобразной краткости, находящей проявление со специфической тональности произношения, противопоставляющей номинативные предложения и выделяющей их среди всяких других типов.

Используя номинативные предложения как средство обозначения предметов, характеризующихся ещё и качествами, выражаемыми посредством определений, авторы любых жанров художественной литературы ярко очерчивают существующую действительность.

Номинативные предложения в современном таджикском литературном языке имеют два вида конструкций: **а) нерасчлененные и б) расчлененные.** Грамматика современного таджикского литературного языка выделяет две разновидности нерасчлененных номинативных предложений, что подтверждается примерами: *Пагоҳии барвақт. Офтоб акнун аз паси долу*

дарахтон сар бардошта, ба одаму олам нуру сафо мебахшид (Маъруф Бобоҷонов. Шаби охирин, с. 74).- *Раннее утро. Гашти рӯз.* Ориф- қассоб сумкаи хаткашонро ба рули велосипед овехта, кӯча ба кӯча гашта, мактубу газетаю журналҳои чандрӯзаӣ одамонро таксим карда меод (Маъруф Бобоҷонов. Шаби охирин, с. 74).- *Конец дня.* Ориф-мясник, повесив почтовую сумку на велосипед, шел по улицам и раздавал письма, газеты и журналы. *Рӯзи душанбе. Чоштгоҳӣ.* Телефон занг зад (Маъруф Бобоҷонов. Чуфти кабӯтар, с. 144).- *Понедельник. Позднее утро.* Зазвенел телефон.

По признакам синтаксической структуры, синтаксической семантики и интонационным особенностям в расчленённых номинативных предложениях современного таджикского литературного языка проявляются две части.

По специфике местонахождения в составе предложения и интонационной значимости первую часть составляют обстоятельственные детерминанты (с временной синтаксической семантикой), а также объектные детерминанты. Они характеризуются препозитивным словорасположением по отношению к главному компоненту номинативного предложения, выраженного именем-основой. Основой компонент – подлежащее, выраженное именем-основой, является второй частью состава предложения, которая занимает постпозитивное расположение сравнительно с детерминантной частью (конец предложения).

Обе части номинативного предложения способны распространяться посредством словосочетаний [56, 340].

Номинативные предложения по признаку наличия / отсутствия второстепенных членов представляют собой 2 типа: 1) нераспространенные (то есть одночленные, без каких бы то ни было второстепенных членов):

Чоштгоҳӣ. Ман почтаи имрӯзаро аз назар мегузаронам... (Маъруф Бобоҷонов. Чуфти кабӯтар, с.161).- *Позднее утро.* Я просматриваю

сегодняшнюю почту. *Шаб. Хомӯшӣ. - Ночь. Тишина. - и 2)* распространённые: *Вақти ҷамъовариш пахта. Хурду калон ҳама дар сахро. Қариб касе дар деҳа намонда.- Время сбора хлопка. Молодые и взрослые - все в поле. Почти никого не осталось в деревне* (Мирзоев. Рӯзи баҳор, 484). *Манзараи кӯҳистон. Баҳоррӯя. Кабинети хурдакак. Дар пешгоҳ, дар паси мизи моҳутпӯш, Каримҷон нишаастааст...* (Насриддинов. Лолаҳои арғувон, 262). - *Горный пейзаж. Ранняя весна. Маленький кабинет. В коридоре, за столом, покрытым сукном, сидит Каримджон. Баҳор, баҳорӣ хурраму хандон, сабзпӯш ва гулбасар дар айни ҷавлону худнамой* (С.Улугзода. Восеъ, с.11). - *Весна!.. Свежая, счастливо смеющаяся весна, в зеленом убранстве, увенчанная цветами, с невинным кокетством играющая своей девической красотой.* (С.Улугзаде Восеъ с.15). *Афғонистон. Кобул. Резиденсияи вазири Корҳои Хориҷӣ. Маҳмуд Тарзӣ ва Сайлонихон. Маҳмуд Тарзӣ да ҳаяҷону изтироб. Сайлохон бо Фурур сухани худро давом медиҳад* (А.Атобоев. Шамшери меросӣ, с. 270). - *Афганистан. Кабул. Резиденция министра иностранных дел. - Махмуд Тарзи и Сайлонихон. Махмуд Тарзи в смятении и тревоги. Сайлохон высокомерно продолжает свою речь.*

Распространённые номинативные предложения конкретизируются посредством второстепенных членов: определений, дополнений и обстоятельств. Местоположение определений в номинативных предложениях таджикского языка постпозитивно по отношению к главному компоненту (имени-основы): *Дашти нопадоканори атрофи Гиждувон. Моҳи чордах бо равшани худ домани фарози ин даштро гӯё бо пардаи тунуки сафеде печонида гирифтааст* (Ходизода. Сапедадам, 42). – *Бескрайние просторы окрестности Гиждувона...*

Саҳрои васеи Дон. Офтоби саратон заминро оташвор метафсонад (Ниёзӣ. Вафо, 149). – *Широкие бескрайние степи Дона. Жаркое солнце обжигало землю. Тирамоҳ, қариби бегоҳӣ. Саҳни ҳавли бошукӯҳи Соҳибов. Атрофи ҳавли қаъла. Аз байни ҳавлӣ дарвозаи боҳашамат. Аз*

намуди ҳавли маълум мешавад, ки иморат ба қарибиҳо сохта шудааст. *Дар миёни сахна ҳавз ва гирдогирди он шоҳсуфа. Дар болои он қолинҳо, кӯрпачаҳо, атласу шоҳӣ. Дар як гӯша приёмник, телевизор, мизу курсиҳо* (Султон Сафар. Бақои умр, с.375). –*Осень. Почти вечер. Пышный двор Сохибова. Вокруг двора крепость. По середине двора роскошные ворота.* Видно, что здание построено недавно. Посередине сцены бассейн и вокруг него пышная суфа. На суфе ковры, атласные и шелковые курпачи.

Дополнения, по нашему наблюдению, встречаются в номинативных предложениях крайне редко, так как дополнения обычно зависят от глаголов, а номинативные предложения – специфически безглагольные.

В номинативных предложениях обстоятельства образа действия отсутствуют, потому что они являются только приглагольными. Только обстоятельства времени, места, причины и другие используются в номинативных по той причине, что используются в функции детерминантов.

В номинативных предложениях обстоятельства места функционируют лишь с ограниченной семантикой местонахождения предмета предмета. Другие виды семантики места (направление) недопустимы, потому что направление предполагает движение, а не обозначение наличия, бытия определенного предмета (явления).

Обстоятельства места в номинативных предложениях таджикского языка функционируют, как и в двусоставных предложениях в форме имён существительных с предлогами, наречиями (**сонӣ, баъд аз он и др.**):

Бегоҳирӯзӣ. Дар сахна Абдулло, Исмат ва Соҳиб (Султон Сафар. Мурдаҳои абадзинда, с.284).- Вечер. На сцене Абдулло, Исмат и Соҳиб.

В номинативных предложениях таджикского языка обстоятельства времени выражает многообразные временные дополнительные оттенки ограничительно-уточнительной семантики и семантики повторяемости.

Поскольку в функционировании номинативных предложений значительны интонационные особенности в таджикском языке, как и в русском, предложения имеют место не только повествовательные: *Панҷ рӯзи*

чанг. - *Пять дней войны*, но и восклицательные: *Чӣ мулоқоти аҷиб!*- *Какая удивительная встреча!*

2.3. Типы номинативных предложений в современном таджикском языке

В современном таджикском языке номинативные конструкции весьма различаются по признаку синтаксической семантики. В процессе классификации выявляются функционально-семантические подвиды номинативных предложений: **событийные, описательные и уточняющие.**

При этом важную роль играет функциональная значимость компонентов номинативного предложения в живом потоке речи. В связи с тем, что компонентная наполняемость номинативного предложения в определенной степени может различаться, то следует признать, что определение того или другого подвида нередко зависит только от самого контекста речи:

Широкое функционирование номинативных предложений является характерной особенностью таджикского синтаксиса: Ман... ман омадам... ки гӯям, ки раисамон одами нағз. Зани кордон, ба токат (А.Сидқӣ. Иродаи зан, с. 47).- Я... я пришла... чтобы сказать... сказать, что наш раис хороший человек. Знающая (умная) женщина, терпеливая (А.Сидқӣ. Воля женщины, с. 52). Оҳ, бонуи ман, чӣ саодате! (Парвиз Қозӣ Саид. Замоне баврои ишқ, замоне барои гиристан, с. 46). – Ах, моя госпожа, какое счастье! ((Парвиз Козӣ Саид. Время для любви и печали). Кунчи боғ, шаби баҳор, осмони соф пур аз ситора, гирду атроф ҳама ҷароғон. Як қисми ресторан боғ, ки ду-се –то аз столҳои он намоён аст (А.Сидқӣ. Косаи сабр, с. 89). –Угол сада, весенняя ночь, небо, покрытое звездами, вокруг иллюминация. Одна часть ресторана подобно саду, где виднеется два-три стола. Душанбе. Соли 1964. Бинои Кумитаи ҳизби ноҳияи Марказӣ дар байни дарахтони арчаю санавбар ҷойгир буда, сахни майдончаи назди бино бо сабзаю себарга оро дода шудааст (Зариф Фулом. Писари шоир, с. 46). – Душанбе. 1964 год... Душанбе. Боғи

марказӣ. 5-уми марти соли 1953. Раббӣ гулдастай калоне дар даст ба псу пеш қадам мезанад ва ҳар дам – ҳар дам ба соати дастӣ нигоҳ мекунад (Зариф Фулом. Писари шоир, Садои Шарқ, №2, 2008, с. 46). Духтари зебост Хиромон. Дӯстрӯй, хӯшрӯй, фаттону дилрабо (Ф.Муҳаммадиев. Палатаи кунчақӣ, с. 240).- Красивая девушка Хиромон. Симпатичная, красивая, очаровательная, восхитительная. – Ҳоло ман ба экрани кино хам мебароям. Ҳай-ҳай, чӣ истиқболи дурахшон!.. (Ф.Муҳаммадиев. Палатаи кунчақӣ, с. 228).- Я ещё и буду на экране кино? Ох какая радостная (торжественная) встреча! Бегохи. Вақти баргаштани пода наздик шуда буд (Б.Ортиқов. Таътил, с.32). – Вечер. Приближалось время возвращения стада.

Критический анализ содержания опубликованных научных первоисточников свидетельствует о том, что в таджикском языке классификация функционально-семантических типов назывных предложений весьма условна. В научных трудах Ш. Рашидова и М. Норматова выделяются только два подвида, характеризующие семантикой описательности и указательности [134, 123].

Статистический подсчёт нашего исследования свидетельствует о том, что описательные номинативные предложения самые распространённые в потоке речи. Они делятся на следующие группы:

а) номинативные предложения, служащие средством названия места и действия:

Қасри шоҳи Хоразм (Турсунзаде). - *Дворец хорезмского шаха;*

б) номинативные предложения, отражающие явления природы, метеорологическое состояние природы, обозначающие время действия персонажей:

Ҳавои мӯътадил ва форам (Чалил, Одамони ҷовид). – *Хорошая и приятная погода;*

в) номинативные предложения, называющие пейзаж:

Қуллаи кӯҳи баланд (Тошмухамедов. Дар меҳмонӣ). – *Вершина высокой горы*;

г) номинативные предложения, употребляющиеся для названия различного рода собраний: *Маҷлиси зиёфат* (Улуғзода. Калтакдорони сурх). – *Торжественный банкет*;

д) номинативные предложения звукоподражательного характера: *Тақ–тақи дарвоза*. – *Стук ворот*;

е) номинативные предложения, используемые для описания состояния, обстановки, ситуации: *Ҳаяҷони умумӣ. Сангин намоён шуда, бо иштоб пеши Кова меояд* (Лохутӣ). – *Общее волнение. Появившийся Сангин торопливо направляется к Кове*;

ж) номинативные предложения, используемые для названия явления, действия, его субъектов: *Моҳтобшаб. Салим, Хӯҷаёр, Сафар, Эрназар, Хоркаш* (Улуғзода. Калтакдорони сурх). – *Лунная ночь...*

Описательные номинативные предложения являются особенностью языка художественных произведений и не используются в разговорной речи современного таджикского литературного языка.

Ш. Рашидов и М. Норматов выделяют также указательные номинативные предложения. В указательных номинативных предложениях говорящий не только утверждает бытие того или иного предмета, но и указывает на него. Этот тип номинативных предложений используется для подчёркивания отдаленности или близости предмета. Авторы приводят следующий пример. *Мана мактуби Латиф* (Ниёзӣ. Вафо) [134, 123]. – Вот письмо Латифа. Указательные номинативные предложения, отмечается далее, могут употребляться и с усилительными частицами, и без них. Предложения с усилительными частицами и особой (назывной) интонацией указывают на бытие предмета при помощи жеста и указательных частиц (**ана, мана – вот, вон**). Такие предложения используются преимущественно в художественных произведениях. Указательные номинативные предложения без частиц используются

тогда, когда говорящий, неожиданно встретившись с предметом, заинтересовался им или испугался его. Состояние субъекта свидетельствует какому-то лицу о существовании предмета.

Расхождения в таджикском языке в классификации функционально-семантических типов номинативных предложений объясняются количественными или качественными особенностями. Концепции разных лингвистов характеризуются двумя – тремя и более типами. Например, Ш. Рашидов по семантическому признаку признаёт два типа: описательные и указательные [168, 30]. Другой исследователь номинативных предложений таджикского языка, М. Норматов, по такому же синтаксическому признаку выделяет три группы: «выразители времени, места, а также природы и явления» [133]. Грамматика современного таджикского литературного языка также указывает две группы, но уже с другой терминологией: *описательные и повествовательные* номинативные предложения - и характеризует особенность содержания каждого: описательные номинативные предложения имеют субъектом статическое состояние картины природы, описание событий, деталей окружающей среды, обстановки, а повествовательные номинативные предложения описывают явления общественной жизни в динамике. В Грамматике современного таджикского литературного языка также указывается содержание номинативных предложений в отношении описания времени, места, явления природы, явления общественной жизни» [56,339]. Такая классификация ни в какой степени не отражает структурно-семантическую типизацию номинативных предложений. Она имеет отношение только к особенностям функционирования номинативных предложений в разных типах речи: в повествовательных и описательных.

В связи с вышеизложенным можно утверждать о том, что классификация номинативных предложений в современном таджикском литературном языке разработана в далеко недостаточной степени. Критический анализ исследования собранных нами из

художественной литературы примеров доказывает, что структурно-семантических типов номинативных предложений в таджикском языке значительно больше [182, 208].

Проанализировав собранный нами фактический материал из художественной литературных источников в отношении наличия в них структурной и семантической специфики номинативных предложений, мы подвергли его самостоятельной классификации в целях выявления полной картины структурно-семантических типов номинативных предложений в современном таджикском литературном языке.

В таджикском языке можно вычленить, как и в русском языке, следующие разновидности номинативных предложений:

1) Бытийные. В *бытийных предложениях* выражается только бытие, наличие предметов и явлений : *Деха. Тулӯи офтоб. Уқоб ва чучаҳо. Уқоб ва мурғи чӯчадор. Кӯдаки дар роҳ хобаи бурдаистода* (Мухаммадрахими Карим, Чумъа Қудус. Ширин, с. 4). – *Село. Восход солнца. Орлица с птенцами. Орел и наседка с цыплятами. Ребенок, засыпающий на ходу* (Махаммадрахим Карим. Джума Кудус. Ширин, с. 4). *Бӯстонсарои зебое дар сохили оби кӯл* (Мухаммадрахими Карим, Чумъа Қудус. Ширин, с. 8).- *Красивая дача на берегу озера* (Махаммадрахим Карим. Джума Кудус. Ширин, с. 8). *Деха. Майсара дар арғунчак ҳой меравад* (Мухаммадрахими Карим, Чумъа Қудус. Ширин, с. 11).- *Село. Майсара раскачивается на качелях* (Махаммадрахим Карим. Джума Кудус. Ширин, с.11). *Садои чараққо-чуруқи асбобҳо*(А.Бахорӣ. Насими тоза, с. 17). *Звуки инструментов. Бандаргоҳи шаҳри калон. Одам чунин бисёр, ки ҷои сӯзан задан нест* (А.Бахорӣ. Насими тоза, с. 79).- *Порт большого города. Так много людей, что негде было воткнуть иглу (что негде было яблоку упасть). Талабгори дигар, хо он хиштмон, ҷавони аштӣ – Наим аст. Бачаи шармгин, батамкин* (Р.Ҷалил. Як нигору се талабгор, с. 60). *Охирҳои қор. Як махали овози Маликаро аз теппаи Сарам шунида хайрон монда, ба боло нигоҳ кунам, вай дар сабати қрану дар хаюҷак*

шиштагӣ барин алвонҷ хӯрда истодааст (Р.Ҷалил. Як нигору се талабгор, с. 64).

Палави айёми ҷанг. (Ф.Мухаммадиев Хиёбони Нодир с. 280).- *Плов военных годин..* (Ф.Мухаммадиев. Аллея Надыра, с. 302). *Бечора Усто Оқил...* (Ф. Мухаммадиев. Рӯзи дафни Усто Оқил, с. 222). - *Бедный Усто Акил* (Ф.Мухаммадиев. Похорны Усто Акила, с. 275). *Манзараи кӯҳистон. Баҳоррӯя. Кабинети хурдакак. Дар пешгоҳ, дар паси мизи моҳутпӯш, Каримҷон нишастааст...* (Насриддинов. Лолаҳои арғувон, 262). *Шаб. Садои ҷангу рубоб. Гӯшаи ошхона. Дар сари миз Камол ва рафиқонаш. Онҳо сархушанд* (Султон Сафар. Бақои умр, с. 446). *Саҳари барвақти фасли баҳор. Сохили хилвати дарё. Аз дур хонаҳои қишлоқ ва кулаҳои кӯҳи баланд ба назар мерасанд* (А.Баҳорӣ.Корвон равон аст, с. 93). Ман ба дастаи Раҳмон Додхоҳ ҳамроҳ шудам. Халқ ба ин лашкари ислом босмаҷӣ ном дод. *Задухӯрдҳои хунин, гурезогурез, дар охир шикастхӯрӣ* (А.Баҳорӣ.Корвон равон аст, с. 94). Ана ин нақшаи шахтаи нав. Инаш рапорти ман ба управления. *Харита, ҳисоботи баланс, лоҳиаи шахри нав ва комбинати чор* (А. Баҳорӣ. Корвон равон аст, с. 124). - Вот это план новой шахты. А это мой рапорт управлению. *Карта, балансовый отчет, проект нового города и комбината номер четыре* . Супориши охирин. Лекин ҳақаш чудо қалон, оғои Ҷаъфар (А. Баҳорӣ. Корвон равон аст, с. 96). Ҳоло дар ин ҷо, дар ватанӣ шумо чӣ ҳаст? Қиматию қаҳатӣ, вараҷаю дифтерия! (А. Баҳорӣ. Корвон равон аст, с.96). Кони нави маҳфӣ? (А. Баҳорӣ. Корвон равон аст, с. 95).

Рӯзи бозори Балҷувон. Кӯчаҳо, растаҳо пури одам. Офтоб акнун фақат се қади найза баланд шуда бошанд ҳам, ҳаво тафсида аст (С.Ўлуғзода. Восеъ, с. 355).- *Базарный день Бальджуана* (в Бальджуане). На улицах полно народу. Солнце ещё только поднялось, а уже жарко (С.Улуг-зада. Восэ, с. 409). ... Аз ҳамин рӯз Эътиборан мири мо Восеъ аст! – Инро гуфта, Назир чакманро ба Восеъ пӯшонд, фӯтаро ба миёнаш баст, шамшерро ба фӯта ҳамоил кард. Мир?- ба дилаш хандида мегуфт Восеъ. Худоё тавба! *Мири ҷувозкаш, хоркашу хокпош!* Аҷаб коре кард ин

Назир (С.Улуғзода. Восеъ, с. 269).- Отныне наш правитель, которому безоговорочно подчиняемся мы, - Восэ! Под весёлый и одобрительный шум собравшихся Назир надел на Восэ чекмень, опоясал его кушаком, повесил к кушаку меч. «Правитель? – посмеялся Восэ.- Прости меня, бог! *Правитель – маслодел, бедный крестьянин, собиратель валежника!..* Ну и дела творит этот Назир!» (С.Улуг-зада. Восэ, с. 320).

Кабинети Нодир. Шабона. Давоми маҷлиси правления колхоз. Дар атрофи миз аъзоёни правления. Дар байни ҳозирон пешқадамони колхоз низ хузур доранд (Султон Сафар. Шарораи Хучанд, с.102).- Кабинет Нодира. Ночь. Продолжение собрания правления колхоза. Вокруг стола члены правления. Среди присутствующих также находятся передовики колхоза. Инак ман ба сӯи ватан меравам. *Ватани ҷафодида, ватани озурда, ватани хазонгашта* (Султон Сафар. Шарораи Хучанд, с. 5).- И так я еду на Родину. Страдающая (угнетенная) Родина, растерзанная Родина, увядавшая Родина. Кабинети директории завод. Аз ин сӯ/ мизи корӣ, аз тарафи дигар / мизи барқад/ барои гузаронидани сӯҳбату ҷамъомадҳо. Дар як кунҷ/ яхдон, дар кунҷи дигар/ телевизор, приёмник, шкафҳои пур аз китоб, зарфҳои хрусталӣ, сервизҳои қаҳва ва чойнӯши, мизчаву креслоҳо, дар деворҳо/ расмҳои рассомони гузаштаву ҳозира ва ғайраву ғайра(Султон Сафар. Шарораи Хучанд, с. 102).

2) В указательных номинативных предложениях выражается бытие предмета посредством указания на них. Модифицирующими средствами выражения указательных номинативных предложений являются частицы **ана, мана – вот, вот и**): *Мана мушки Хутан!... Ана гозаи чини... Мана доруи зуком!...* (С.Улуғзода. Ҷавонии ибни Сино, с. 223). – *(Вот) благовонный мускус из Тибета! (Вот) китайская розовая вата для щёк!... Вот чихательный порошок от простуды! Ана ин аризаи ман...* (Мухамадраҳимӣ. Карим, Чумъа Куддус. Ширин, с.98) - *Вот моя жалоба...* (Мухамадраҳими Карим, Чумъа Куддус. Ширин, с. 98). *Аноргул, ана ман* (С.Улуғзода, Восеъ, с. 61). – *Аноргул, вот и я* (С.Улуг-заде. Восе, с.113). *Ана институти мо, - Ҷамшед*

тарафи ростро нишон дод (Р.Амонов. Пушаймонӣ, с. 27). – *Вот наш институт, - Джамшед показал направо. Ана бел* (С.Турсун. Обдорӣ, с. 301). – *Вот лопата* (С.Турсун. Полив, с. 99).

Такие функционально-семантические признаки номинативных конструкций характерны, главным образом, для разговорной речи таджикского языка:

Ба холаи Гулбаҳор хонадомод шуду андак осуд. Ана боз бадбахтӣ (Субхон. Донаи умед, с. 116). - *Стал проживать в доме у тётки и немного успокоился. Вот опять несчастье. (Вот снова несчастье). Ана вокзали Бойсун...* (Саттор Турсун. Зимистони умр, с. 578).- *Вот вокзал Бойсуна. Ана бисту чор сӯм* (Сафар Султон. Бақои умр, с. 452). – *Вот двадцать четыре рубля. Ана хона, ана зал, ана айвон.. кучо ки маъқул бошад...* (Сорбон. Актёр, с. 191). – *Вот дом, вот зал, вот веранда, что тебе нравится* (Сорбон. Актер). – *Азизакам, ана чой!..* (А.Баҳорӣ. Насими тоза, с. 40). – *Дорогая, вот чай. Ана чои дамгирии ман...* (А.Баҳорӣ. Насими тоза, с. 319).- *Вот мое место отдыха. Боз ана суратгир* (А.Баҳорӣ, Меҳмони серӯза, с. 56).- *Вот снова фотограф. Ана паспорташ, справкаи завод* (А. Баҳорӣ. Корвон равон аст, с. 99). *Ана шафқату мана мурувват* (Ф.Мухаммадиев. Шаби саввум, с.313).

Они так же, как и другие функционально-семантические типы номинативных предложений, могут быть распространенными и нераспространенными: *Ана дуздон.- Вот и воры* (Субхон. Донаи умед, с. 138). *Ана вокзали Бойсун...* (Саттор Турсун. Зимистони умр, с. 578).- *Вот вокзал Бойсуна. Ана дадаи ман* (Султон Сафар. Қарзи вичдон, с. 57).- *Вот мой отец.*

3) Побудительно-пожелательные номинативные предложения характеризуются содержательной семантикой высказывания своего пожелания в удачном исходе предстоящего дела, определённой ситуации и т.п. у кого-либо из близких или приятных людей.

Такие предложения лексически немногословны, но очень широко используются (высокочастотны) в разговорной речи: *Роҳи сафед!* (Ёқуб Одинаев. Нур ва зулмот, с. 78). – *Счастливого пути!* (букв.: *счастливый путь*) *Шаби хуш! Барори кор. Субҳ ба хайр. Диққат. Мондаҳои кор. Нури дида (тоҷи сар). Ҳазорон раҳмат. Раҳмати калон* (калька с русского языка) и др. - *Доброй ночи! Успехов в работе. Доброе утро. Внимание. Счастья. Долгой жизни. Добро пожаловать.* (букв.: тысяча спасибо - огромное спасибо). *Большое спасибо.*

В побудительно - пожелательных номинативных предложениях выражается желание хорошей жизни и удачного дела определённому лицу: *Мондаҳои пахта, эшонпачо* (А.Баҳорӣ. Санг дар халта, с.33). *Хайр, садқаи сар, бачаҳо* (А.Баҳорӣ. Санг дар халта, с. 56). *Қадаматон нури дида тоҷи сар* (А.Баҳорӣ. Хурсандии хола, с. 42).

В стилистическом отношении побудительно-пожелательные номинативные предложения наиболее продуктивны в разговорной речи:

Роҳи сафед, Евгений Никанорович, - уро то дами дар гусел карда гуфт раис (Шоди Ҳаниф. Чон ба гарав, с. 258). – *Счастливого пути*, Евгений Никанорович, - сказал председатель, провожая его до ворот.

Побудительно-пожелательные номинативные предложения представляют собой устойчивые сочетания и не нуждаются ни в каких пополнениях и должны рассматриваться как совершенно полные предложения современного таджикского языка: *Бахти сафед! Умри дароз.*

4) Оценочно-бытийные номинативные предложения констатируют существование, наличие предметов речи или мысли и содержат их качественную или количественную характеристику. Модифицирующим средством выражения данных конструкций являются частицы: **чӣ (что, какой), хай (какой), эҳ (эх), оҳ (ох, ах), эй ин чӣ (что за, какой), о** и др.: *Ин чӣ ишқи бузург! Чӣ муҳаббати оташбор!* (А.Атобоев. Шамшери меросӣ). - *Какая большая (великая) любовь! Какая пламенная любовь! Чӣ суханони талх аз забонӣ ширин!*

(А.Атобоев. Шамшери меросӣ). – (букв.: Какие горькие слова из приятной речи). *Эҳ, бачаи содда!* (Маъруф Бобочонов. Шаби охирин, с.65). - *Эҳ, наивный мальчик!* – *Э баччаи беақл!- гуфт бепарвоёна Қосимҷон...*(Маъруф Бобочонов. Шаби охирин, с.68). - *Эҳ, глупый Мальчик!* – сказал Косимджан. *О, нобакори лаънатие!* (Ёкуб Одинаев. Нур ва зулмот, с.67). – *О, проклятый негодяй!* (Якуб Одинаев. Свет и тени жизни). *Эҳ, орзухо, орзухои ширини ман!* (А.Баҳорӣ. Насими тоза, с.48).- *Эҳ, мечты, мои сладкие мечты! -Урра! Мӯъчизаи гӯшношунид!* (А.Баҳорӣ. Насими тоза, с.65).- *Урра! Неслыханное чудо! Хай, хай, чӣ озодие! Хар зани дунё хаваси онро мекунад!* (Р.Чалил. Мазлума, с.60). *Ачаб рӯзи сахте!* (А.Баҳорӣ. Таркиш, с.46). *Эҳ чӣ қадар пирамарди нуронӣ!* (А.Баҳорӣ. Таркиш, с.46). – *Эҳ, какой симпатичный старик! Эҳ замонаи пуросӯб!* (Султон Сафар. Шарораи Хучанд, с.15).- – *Эҳ, тревожное время! Чӣ ғазали хубу марғуб!* (А.Атобоев. Шамшери меросӣ, с.32). - *Какая приятная и хорошая газель!*

Характерной особенностью оценочно-бытийных предложений является восклицательная интонация. В них семантика бытия предметов получает ещё и эмоциональную окраску. Эти предложения являются восклицательными:

Эҳ, чӯраяки нодон! (Сафар Султон. Қарзи вичдон, с. 57).- *Чӣ кишвари зебо...* (Мухамадрахими Карим, Чумъа Куддус. *Ширин*, с. 117). - *Какая красивая страна!* (Мухамадрахими Карим, Джума Куддус. *Ширин*, с.117). *Эй осмони мусафо, Эй гулҳои тозрӯй...* (А. Атобоев. Шамшери меросӣ, с77). *Чӣ давлати бузург!* Вақте ки кас дамидани субхро назора карда ба лаҳни он гӯш меандозад, гӯё бардамтар, покизатар мешавад, хатто баинсофтар...(Саттор Турсун. Обдорӣ, с. 261). (буквально: *Чӣ давлати бузург!* – *Какое счастье!*) *Какое счастье, наблюдать рождение зари, слушать её голоса!*. Невольно становишься бодрее, чище, человечнее (С.Турсун. Полив, с.63).

5) Собственно-назывные предложения представляют собой названия статей, книг, учреждений, улиц и т.д. Например: *Кӯчаи ба номи Нёмат*

Қарабоек.-улица Негмата Карабаева; Кӯчаи ба номи Рӯдакӣ. - Улица Рудаки. Хиёбони Сомонӣ. – Проспект Сомони; название произведений: *Марги судхур (С.Айнӣ)*, - «Смерть растовщика». «Иродаи зан» (А.Сидқӣ). - «Женская воля». «Шарораи Хучанд» (Султон Сафар). - «Заря Хаджента»; «Сукути куллаҳо» - «Молчание вершин». «Қадри сухан» - «Цена слова» (Саттор Турсун). Кумитаи ҷавонон – Комитет молодежи, Вазорати маориф ва илм. – Министерство образования и науки, Донишгоҳи давлатии Кӯлоб. – Кулябский государственный университет; Партияи коммунистӣ .- Коммунистическая партии; названия статей в газете: «Гавҳораи нарми адабиёт». «Шабнами болои гул». - «Роса на поверхности цветка». «Тарбиятгари шоғирдони болаёқат». - Воспитатель талантливых учеников. «Дарки худоогоҳӣ».- «Познание бога». «Дилбохтаи касб». – «Влюбленность в профессию». «Вохурии муфид».- «Полезная встреча». «Самари дарахти умри инсонӣ» . - «Плоды человеческой жизни» (Ҳомии омӯзгор, 28.02.2015\ №2(63). Гамхориҳои пайваста ба муҳофизони Ватан (рӯзномаи Чумхурият, №53-54(22 615 -616, 14 март 2015). – «Постоянная забота о защитниках Отечества» (газета «Джумхурият»).

Номинативная функция – это онтологическая, исходная функция заглавия: заголовок призван обозначить статью, назвать её, выделить среди других статей:

«Раҳнамои зиндагӣ» - «Путеводитель жизни». «Сабақи таърих ва тарбия ватандӯстӣ» – «Уроки истории и воспитание патриотизма». «Эҳёи хунароҳи қадимаи миллӣ». – «Возрождение древних народных искусств». «Мубаллиғи дониш». – «Пропагандист знаний» (газета «Омӯзгор».№ 12-13 (11977). 20 марта 2015).

Синтаксическая структура назывных предложений определённым образом связана с выполняемыми ими коммуникативными функциями. Форма и функция назывных предложений находятся в сложном взаимодействии друг с другом.

Номинативная функция наиболее ярко проявляется в форме имени существительного в именительном падеже, основное назначение которых (в русском языке) и в форме имени-основы (в таджикском языке), и состоит – в лексическом плане – в простом назывании (наименовании). Все прочие отрезки речи, используемые в качестве заглавий, выступают в позиции именительного падежа имени существительного, приравниваются к нему в форме имени-основы.

6. Именительный представления - это особый тип номинативных предложений имеющий место в письменной речи и в таджикском языке. По содержанию он представляет название предмета речи, мыслимого в целях появления представления о названном предмете в сознании читателя.

Поскольку в таджикском языке отсутствует категория падежа, в связи с этим аналогичный тип номинативных предложений следует назвать иначе (по другому), например, аналогичным термином **номинатив – представление**.

Душанбе... Пойтахти Ватани азизи ман. Пойтахти тоҷикон. – Душанбе... Столица моей дорогой Родины. Столица таджиков...

Тоҷикистон... Ин кишварро ман, Нељачон, абадӣ дӯст доштаам (Шоди Ҳаниф. Ҷон ба гарав, с.230).- Таджикистан... Эту страну я, дорогая Неля, полюбил навсегда.

Дехаи соктаре. Ин деха аз тобеоти райони Гичдувон буда, як фарсах – 8 километр дуртар аз маркази район ва дар тарафи шарқии он дар канори дарёи Зарафшон воқеъ аст (С.Айнӣ. Ёддоштҳо, с.8).- Кишлак Соктаре... Эта деревня находится в районе Гичдуван и находится в 8 километра от центра района и расположен на берегу реки Зарафшан.

Дехаи Махаллаи боло... Ин деха дар як фарсахии (8 километри) ғарбии шимоли қалъаи Гичдувон дар доираи хоки тумани (райони) Шофирком, аз ҷумла дехоти Дехнави Абдуллоҷон, дар доманаи реги равоне, ки ба дашти Қизил мепайвандад, воқеъ шудааст (С.Айнӣ. Ёддоштҳо, с.9).

Дунёи ғалатӣ. Мудири мӯҳтарам сояи ўро аз девор метарошад, дар чамъомаду маракаҳо (дар ғайбаш, албатта) ба бадном карданаш мекӯшад (Ф.Мухаммадиев. Шаби саввум, с. 287).

Мавзӯи аҷиб. Ман дар бораи Евгений Никонорович бисёр чизҳо хондаам (Шоди Ҳаниф. Ҷон ба гарав, с. 229).- *Интересная тема...* Я прочитал о Евгении Никоноровиче, читал много интересного.

В таджикском языке номинативные предложения, как и в русском языке, функционируют как самостоятельные предложения, так и в составе сложных: *Бахор, айёми сабзахез, вақти талу теппа, боғзорони атрофи Шикоргах либоси рангин ба бар карданду аз сари девору гӯшаи бомхо, аз шохсорону хавлихо, аз субх то шои хониши мурғон, шихаи довталабони аспони маст танин меандохт...* (Абдухамид Самад. Аспи бобом, с.90).

В современном таджикском языке, отмечается количественный рост номинативных типов предложений. Экспрессивность функции номинативных предложений в составе сложных предложений способствовала их активизации как цепочки номинативных предложений [188, 220]:

Аҷаб хобе! Хонаи пастакаи нимторик, падар, шамъи хирасӯз ва ниҳоят Соҳиба... (С.Турсун. Пайванд, с.10).- *Какой-то странный сон! Низенький, полутёмный дом, отец, тускло горящая свеча и, наконец, Соҳиба* (С.Турсун. Второе возвращение, с.6). Раҳматулло, писари Одина Ҳошимов, ҳангоми навозиш ҳамеша овози дуторро дар мадди аввал гузоштани шуда, марҳалла ба марҳалла ҳамнавоии аккордеону дуторро барқарор мекард. Оҳанг савти «фалакӣ»-ро мемонд ва хотираҳои ачиберо ангезиш меод. Варақ-варақ китоби ҳофиза рӯгардон мешуданд. *Хотираҳои ширин, гуворо, рӯҳафзо, хотираҳои азиз, муқаддас, нотақрор.* Кӣ чиро ёд меовард дар ин лаҳза (Ҳақназар Ғоиб. Қиссаи дутори Акашариф Ҷураев, с. 91-92). Барғҳои тару тозаи дарахти зардолу, зардолуи қандаки нав ғурбаста... (Саттор Турсун. Зимистони умр, с. 123). Дар боли пешдомани карбосӣ як кӯдаки тахмин дусола мехобад.

Дар наздаш пораи нон, бодиринги газида, чумча, косаи холӣ (Саттор Турсун. Зимистони умр, с.123). Бухоро. Охирҳои соли 1950 (Зариф Фулом. Писари шоир. Садои Шарк. - №2. - 2008. - С. 52).

Употребление цепочек номинативных предложений усиливает эмоциональную насыщенность текста, повышает степень выразительности произведения: Дар сари хӯроки шом сарвари давра котиби комитети партиявии вилоят Телектеш буд. *Чавонмарди хушандом ,хушсухан ва хеле хушрафтор* (Ф.Мухаммадиев. Норин, Норин, сах. 113) .- За ужином был секретарь партийного комитета области Телектеш. *Статный (стройный), великодушный, благородный и очень приятный человек. Чӣ хел нағз! Чӣ фикри оличаноб* (Ф.Мухаммадиев. Ба тағотон аз мо салом, с. 114) .- Как хорошо! Какая прекрасная мысль! (Ф.Мухаммадиев. «Вашему дядюшке наш привет!, с. 380).

Номинативные предложения в составе сложных могут употребляться в разных позициях:

а) быть в самом начале:

Тумани Ғичдувон. Зодгоҳи шоир. Ватани мардони далери «аробанишину занбарбардор» (Юсуф Ақобир. Дунё ба умед, с.186). – Уезд Гиждувана. Родина поэта. Родина отважных (храбрых) мужчин Такдир. Сарнавишт. Кош ман медонистам, ки сарнавишти ман чист? (Юсуф Ақобир. Дунё ба умед, с. 61).- Судьба. Жребий (доля). О если бы я знал, какова моя судьба? Шахр. Кӯчаҳои назди фурушгоҳи марказӣ. Чавонону духтарони хушлибос (Мухамадрахими Карим, Чумъа Куддус. Ширин, с. 146). - Город. Улица перед центральным универмагом. Хорошо одетая молодежь (Мухамадрахими Карим, Джума Куддус. Ширин, с. 146).Боғ. Шаб. Садои чангу рубоб. Дар сари миз Камол ва рафиқонаш. Онҳо сархушанд (Султон Сафар. Бақои умр, с. 446). – Сад. Ночь. Звуки чанга и рубоба. За столом Камол и его друзья. Они веселы (в хорошем настроении). Шуъбаи милитсия. Қабулгоҳи ҳолов. Субҳидам. Дар байн мизи хатнависӣ. Дар болои он ҳар гунна делаҳо, китоб,

каламдон ду аппарати телефон, лампаи рӯи стол ва гайра. Дар атроф курсиҳо диван, чевони пур аз китоб (Султон Сафар. Бақои умр, с.464).- Отделение милиции. Приёмная Холова. Рассвет. Посередине письменный стол. На столе разные дела, книга, пенал, два телефонного аппарата, настольная лампа и т.д. Вокруг стульев диван полный шкаф книг.

б) номинативные предложения могут быть в середине и в конце повествования:

Ягон рӯз осудагӣ нест. Таркиш, тирпарронӣ, куштор, сухтор. Кай тамом мешуда бошад ин ҷанг? - Нет ни дня покоя. Взрыв, стрельба, убийство, пожар. Когда же закончится эта война. Инак ман ба сӯи ватан меравам. *Ватани ҷафодида, ватани озурда, ватани хазонгашта* (Султон Сафар. Шарораи Хучанд, с. 5).- Итак, я еду на Родину. Страдающая (угнетенная) Родина, растерзанная Родина, увядавшая Родина. *Хазорон хонаҳои сӯхта хокистаршуда. Шаҳрҳо, деҳаҳои вайрону валангор... Халокати йигитҳои нозанин, ки аз сад гулашон ханӯз яктоаш нашкуфтааст...* (Ф.Мухаммадиев. Хиёбони Нодир, с. 276). - *Букв.: Тысячи сгоревших дотла домов. Города, селы, превратившиеся в руины. Смерть красивых джигитов* (Тысячи домов превратились в пепелища, множество городов и сел лежали в руинах. А сколько погибло молодых красивых джигитов, у которых как говорится, из ста бутонов ещё ни один не распустился!) (Ф.Мухаммадиев. Аллея Надыра, с. 298).

С помощью номинативных предложений рисуются картины природы, обстановки:

Шаби махтобӣ. Дараи сабзу хурраму хушбӯӣ (А.Бахорӣ. Насими тоза, с. 318).- *Лунная ночь. Цветущее, радостное и приятное ущеле* (хушбӯӣ – душистый, благовонный). Он вақтҳо тоқчаҳо пур аз мисинаи нави дурахшону тобон буд. Дар рафҳо қатори зарфҳои рангорангӣ чини (Ф.Мухаммадиев. Хиёбони Нодир, с.278).- В те времена ниши в стене сверкали новенькой блестящей медной посудой, полки были уставлены разноцветными сервизами. Теперь от прежних вещей остался

лишь старый сундук. На полке – несколько глиняных чаш, семилинейная лампа со стеклом, сделанным из консервной банки

Номинативные предложения – это лаконичная и, вместе с тем, выпуклая форма изображения картины природы, обстановки, внутреннего состояния человека. Называя отдельные предметы, явления, сосредоточивая на них внимание, автор тем самым выделяет их из всей обстановки: *Кўҳистон аст зодгоҳи нависандаи мо. Сарзамини талу теппаҳо, дараҳо, арчазорон, рӯдҳои мусаффо* (Равшани Ёрмухаммад. Куллаҳои Басванд, с. 7). – *Горная местность – родина нашего писателя. Страна холмов и маленьких гор (возвышенностей), ущелий, арчёвых рощ, чистых рек. Роҳи гузар. Дар канори роҳ ҳавлиши оддие. Рӯи суфа шолу кӯрпача густурда шудааст.* (Бобо Насриддин, Лолаҳои Арғувон, с. 288). *Ҳавлиши амаки Эдик аҷоибхона барин. Дар як тараф харгӯшхона. Қариб садта харгӯш. Кумур-кумур алаф ё карам хурданаша бинед, ҳавасатон меравад. Дар тарафи дигар, дар паси олуболузор - мурғҳои марҷон. Ҳар кадомаш уштурмурғи африкоӣ барин. Пеши ин хонаҳо симтӯр кашидагӣ* (Ф.Муҳаммадиев. Чага, с. 345). – *У дяди Эдика не двор, а настоящий зоопарк. Вдоль забора клетки с кроликами, их штук сто. Загляденье, как они хрумкают траву и капусту. В углу за вишнями индюки, каждый как страус, тоже за сеткой.*

Интересное явление, с нашей точки зрения, представляют предложения типа *Ҳавлиши Амаки Эдик аҷоибхона барин*. При отсутствии паузы после третьего компонента и наличии логического ударения на втором атрибутивном элементе всё предложение воспринимается как односоставное, но при наличии паузы в том же месте и переносе логического ударения на предпоследний элемент оно становится членимым на две структурные части: подлежащее и сказуемое. Следует отметить, что такое же явление имеет место и в русском языке с той лишь разницей, что логическое ударение передвигается на конец предложения, что обуславливается спецификой препозитивного местоположения сравнительной частицы,

осложняющей и предикативный компонент в русском языке, и постпозитивного расположения её в таджикском языке.

Довольно распространены номинативные предложения в лирических произведениях:

Журналистони Ватан, оинадорони Ватан,
Посбонони бананги коҳи вичдони Ватан.

(Камол Насрулло. Журналистони Ватан, с.97).

Чораҷӯи чораи бечорамардони Худо,
Бораҷӯи вораи оворамардони Худо.

(Камол Насрулло. Журналистони Ватан, с.97).

Журналистони Ватан сарбозҳои роҳи адл,
Посбонони шуҷоатманд дар даргоҳи адл.

(Камол Насрулло. Журналистони Ватан, с.97).

Оҳ, эй фариштаҳои чафодидаи замин,
Гулҳои нозанини фалакчидаи замин.

(Адиба. Маро соат ба дасти офтоб аст).

Руд,
Эй руд,
Оби талху шӯри Кангурт,
Солҳо ҳастӣ равона
Бе самар,
Бе суд.

(Сайдалӣ Маъмур, Оби талхак, с.464).

Хазонрез.

Дар шоҳи дарахт,-
Дарахти як замон пурбаргу пургулу пурмева
Аз баргу гулу самар нишоне нест.

(Сайдалӣ Маъмур, Барги ёд, с.467).

Иногда стихотворение состоит только из номинативных предложений.

Так стихотворение таджикского поэта Абусатори Рахмон «Шаъри озода аз озодаъо» все предложения, кроме последнего состоят из номинативных предложений.

Эй Душанбе, шаҳри пур аз ёдҳо
Шаҳри пур аз нав ба нав бунёдҳо.
Шаҳри пур аз аҳду аз ҷаҳду талош
Шаҳри пур аз ҳимату имдодҳо.
Шаҳри бас осуда аз осудагон,
Шаҳри бас озода аз озодаҳо.
Шаҳри пур аз созу овозу тараб,
Шаҳри пур аз хандаи дилшодҳо.
Шаҳри гулобод аз боғу чаман,
Шаҳри гулбӯ аз гулу гулбодҳо.
Шаҳри Лайлӣ, шаҳри ширин, шаҳри ишқ,
Шаҳри пур аз қайсу аз Фарҳодҳо.
Шаҳри аз илму адаб андар ривоч,
Аз талошу заҳмати устодҳо...
Эй Душанбе, бар шукӯҳи ту дигар
Танг ояд сафҳаи эҷодҳо.

В русском и таджикском языках широко используется номинативные предложения в произведениях драматургии, обозначая место и действия в пьесах, например: *Дами субх. Канори деха.* Пахлуи рохи калон сангтуде метобад ва болои он ду бачаи хурдсол нишаста ба шавки тамом сӯхбатдоранд (М.Бахтӣ Тобистони соли чилупанҷ, с. 281). – Рассвет. Окраина деревни. На обочине большой дороги видна груда камней и, сидя на ней, два мальчика увлечёно беседуют.

Бегоҳи. Дарё. Хайма ва оташдон. Аз дур суроби кӯпруки чалаи рохи охан менамояд (А.Бахорӣ. Мехмони серӯза, с. 55). – Вечер. Река. Палатка и очаг. Издалека виднеется мост железнодорожной станции.

Вечер. Кабинет полицейместера. В стороне приготовлена закуска. На стене портрет шефа особого корпуса жандармов графа Бенкендорфа (Булгаков. Мертвые души, с. 532). *Кабинет Пьера. Зимний вечер.* Пьер входит... (Булгаков. Война и мир, с. 548). *Ночь перед Бородинским боем. Сарай, фонарь.* Князь Андрей лежит (Булгаков. Война и мир, с. 548). *День. Дождь. Шалаш. Денисов, Эсаул и скорчившийся от страха пленный барабанщик-мальчик Венсон Босс* (Булгаков. Война и мир, с. 594). *Ноябрьский вечер. Мороз. Курган. Костры мушкетерского полка. Лес французских знамен* (Булгаков. Война и мир, с. 602).

Но в драматургии художественная значимость номинативных предложений может усиливаться, если ремарки указывают на поведение героев, их душевное состояние: *Большая комната в доме Бардиных. В задней стене четыре окна и дверь, выходящая на террасу, за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочих, среди них Левшин, Греков.* Комната имеет нежилой вид: мебели мало, она стара, разнообразна, на стенах отклеились обои. У правой стены поставлен большой стол. Конь сердито двигает стульями, расставляя их вокруг стола. Аграфена метёт пол. *В левой стене большая двустворчатая дверь, в правой – тоже* (М. Горький. Враги, с. 535). *Сад. Большие, старые липы. В глубине, под ним, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар...* (Горький. Враги, с. 487).- *Бог. Дарахтони кӯхнасоли липа. Дар ақиби сахна, дар тағи дарахтҳо, чодир-хаймаи солдатӣ. Дар тарафи рост, дар тағи дарахтҳо дивани васеи аз чим сохташуда, дар пеши он стол. Дар тарафи рост, дар тахти сояи дарахтҳо столи дароз, ки болои он барои ноширо* (Горький. Душманҳо, с. 342) *Мавсими баҳор. Бошишгоҳи саҳро. Шипанги зебо. Аз дур тепаҳои сабзу лолазор ва қуллаҳои сафеди кӯҳҳо менамоянд. Дар тарафи чап столи рангпарида истодааст. Дар тарафи рост кати чӯбини хурде буда, аз рӯи он шолчанимдошт партофта шудааст. Дар сутуни шипанг телефон овехта шудааст* (А. Сидқӣ. Иродаи

зан, с. 5-6). - *Весеня пора (Весна). Бригадный полевой стан. Просторная, обвитая виноградной лозой беседка. Вокруг вспаханное поле, убегающее к редющим маками холмам. Вдали озаренные ярким весенним солнцем горные вершины в снежных шапках. Внутри беседки стол, окруженный табуретками; напротив стола – деревянная тахта, застеленная паласом. На одном из столбов беседки висит телефонный аппарат (А.Сидки. Воля женщины, с.8).*

Номинативные предложения могут иметь модальное значение уверенности, неуверенности, предположения, эмоционального усиления и т.д., что достигается употреблением в них частиц, модальных слов: *Аз фардо боз мактабу дарсу магал (А.Баҳорӣ. Санг дар халта, с.29).* – С завтрашнего дня снова школа, занятия, шум. *Лекин Акраматон , чудо писараки оқил будааст. Боодоб, серғайрат (А.Баҳорӣ. Санг дар халта, с.29).* - Но ваш Акрамджон, оказывается, очень умный мальчик. Воспитанный, целеустремленный.

Таким образом, структурно-семантический анализ номинативных конструкций свидетельствует о том, что в сопоставляемых языках отсутствие глагола имеет системную языковую природу.

Грамматическими признаками данных конструкций в сопоставляемых языках являются их односоставная структура, морфологическая природа главного члена, особая интонация и синтаксическая членимость (при этом, кроме атрибутивных компонентов, выделяются приименные объектные и даже обстоятельственные детерминанты как характерные части полных самостоятельных предложений).

В русском и таджикском языках выделяются следующие функционально-семантические типы номинативных предложений: собственно бытийные, указательно-бытийные, оценочно-бытийные, назывные, побудительно-пожелательные и именительный представления (номинатив- представление).

Номинативные конструкции используются при описании картины природы, обстановки, состояния героя и т. п., например: *Тихий городок с деревянными тротуарами, без садов, похожий на степной. Снова синее небо над головой и одуряющий запах жизни* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.187). *Трамвай, подпрыгивая несется в облаках пыли. Сухой овраг, домишки. Унылая слобода и – выжженная степь. И - в котловине поднимается новый город. Зеленые насаждения, аллеи из молодых деревцов, цветники, кучи еще не убранного строительного материала. Веером расходящиеся улицы строгих и светлых домов. Клуб, рабфак, больница, театр* (А.Толстой. О литературе и искусстве, с. 410). *Вечер. Легкий туман. Небо задернуто молочно-золотистой тканью, если бы знать: что там – выше* (Замятин. Мы, с. 349). *Ақибгоҳи майдони муҳориба. Тали баланд Дар як гӯша Хаймаи шоҳона. Тамирис дар либоси ҳарбӣ. Ҷағони дар либоси расмӣ* (А.Атоев. Шамшери меросӣ, с .99).

Таким образом, анализ фактического материала свидетельствует о том, что как в русском, так и в таджикском языке параллельно функционируют все функционально-семантические типы номинативных конструкций, хотя в таджикском языке до сих пор не были выделены **собственно назывные, оценочно-бытийные, побудительно-пожелательные и именительный представления** (состоящий из имени-основы).

Основным средством выражения собственно- бытийных предложений в русском и таджикском языках является главный член – подлежащее, выраженный именем существительным, количественно именным словосочетанием, местоимением.

Модифицирующим средством выражения указательных номинативных предложений в сопоставляемых русском и таджикском языках являются частицы: ана, мана (вот, вот и): *Ана дипломи ман. – Вот мой диплом. Вот и мой брат – Ана бародари манн.*

Модифицирующим средством выражения оценочно-бытийных номинативных предложений в сопоставляемых языках являются частицы и междометия: Эх, бачаи содда! (Маъруф Бобочонов. Шаби охирин, с.65). - Эх, наивный мальчик! Урра! Мӯъчизаи гӯшношунид! (А.Бахорӣ. Насими тоза, с.65).- Урра! Неслыханное чудо!

Типологическая значимость сопоставительного исследования русского и таджикского языков имеет непосредственное отношение к улучшению переводов оригинальной таджикской литературы на иностранный (русский) язык и оригинальной русской литературы на таджикский язык.

Все выявленные нами структурно-семантические типы номинативных предложений имеют место в русском и таджикском языках. Однако в таджикском языке и поныне ещё не зафиксированы в опубликованных научных первоисточниках оценочно-бытийные, побудительно-пожелательные и именительные представления, средством выражения которого в русском языке является форма именительного падежа имени существительного (местоимения) в именительном падеже, а в таджикском – в форме имени-основы).

Различия номинативных предложений русского и таджикского языков имеют непосредственное отношение к признаку местоположения структурных компонентов в схемах исследуемой синтаксической единицы, а также к вариативным особенностям лексического состава схемы указательных номинативных предложений таджикского языка сравнительно с русским:

а) в русском языке признаком односоставности номинативного предложения является препозиция определительного компонента в составе схемы, а в таджикском – постпозиция;

б) наличие в таджикском языке двух (вариативных) схем указательных номинативных предложений: с употреблением указательных частиц в этом типе предложений и без указательных частиц. В

русском языке в указательных номинативных предложениях указательная частица **не** может опускаться, поэтому в нём имеет место только одна схема данного типа номинативных (односоставных) предложений. Это значит, что в таджикском языке при бесчастичном употреблении указательного номинативного предложения интонационный признак как единственное средство выражения структурно-семантического значения является более нагруженным и несколько более сильнозвучным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ номинативных предложений русского и таджикского языков свидетельствует о сходстве синтаксических систем сопоставляемых языков на глубинном и поверхностном уровнях.

В отличие от таджикского языка, в современном русском языке до сих пор нет единой точки зрения относительно природы номинативных предложений.

В обоих языках в односоставных номинативных предложениях словесно обозначается только один из компонентов предикативного центра. Наш анализ свидетельствует о том, что номинативные предложения в обоих сопоставляемых языках широко распространены, чему в немалой степени способствует их лаконичность, лексическое разнообразие наполнения схем широта их семантической структуры, незначительность стилистических ограничений, распространённость во всех сферах литературного языка. Грамматические схемы разных типов номинативных предложений в сопоставляемых языках отражают их функционально-семантическую структуру. Лексическая наполняемость, синтаксической модели даёт возможность решать разнообразные коммуникативные задачи.

Наличие предложений номинативного типа в каждом из сопоставляемых языков признаётся всеми лингвистами, однако в таджикском языке функционально-семантические типы номинативных предложений недостаточно изучены.

Спорным является в русской лингвистике вопрос о главном члене номинативного предложения, который вызывает много противоречий. Некоторые учёные, считают главным членом назывных предложений сказуемое, а другие – подлежащее. Выделяются подлежащные и сказуемостные предложения. Но имеют место и утверждения, что главный член номинативных особое синтаксическое явление.

В таджикском языкознании главный член номинативных предложений признаётся подлежащим. Более употребительным средством выражения считаются имена существительные в форме имени-основы. В русском и таджикском языках главный член номинативных предложений выражается также количественно-именными сочетаниями, субстантивированными словами (прилагательным и причастием) и их заместителями.

Односоставное номинативное предложение в сопоставляемых языках включает: а) одно подлежащее: Баҳор – Весна; б) подлежащее и определение: Шаби моҳтобӣ- Лунная ночь; в) подлежащее и дополнение: Вот вам газета – Ана ба шумо газета; г) подлежащее и обстоятельство: Дар берун офтоб.- На улице солнце; д) подлежащее и несколько второстепенных членов предложения: *Сад. Большие, старые липы. - Бог. Дарахтони кӯхнасоли липа. Вот истинный философ! – Ана файласуфи хақиқӣ!*

В сопоставляемых языках номинативные предложения имеют модальные значения уверенности, неуверенности, предположения, эмоционального усиления и т.д. Модальность выражается использованием частиц и модальных слов.

Анализ номинативных предложений в современном русском и таджикском литературных языках свидетельствует о том, что номинативные конструкции сопоставляемых языков имеют системную языковую природу.

Грамматическая специфика номинативных предложений русского и таджикского языков - это их односоставная структура, включающая морфологическую субстантивную специфику главного члена, своеобразную интонацию и синтаксическую членимость (имеют место атрибутивные компоненты, приименные объектные и даже обстоятельственные детерминанты).

В русском и таджикском языках выделяются такие типы назывных предложений: **бытийные, указательные, побудительно-пожелательные,**

оценочно-бытийные и представление-номинатив (в русском языке - именительный представления).

Номинативные предложения имеют особые изобразительные возможности. Используя названия предметов, прибавляя к ним определения, писатели изображают картины природы, обстановку, состояние героя, дают оценку окружающему миру.

Номинативные предложения обозначают статичность предмета как живую картину.

Номинативные предложения имеют техническую функцию, когда обозначают место и время действия в пьесах, называют декорацию постановки.

Сад. Большие, старые липы. В глубине, под ним, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар... (Горький. Враги, с. 487).- *Бог. Дарахтони кӯхнасоли липа. Дар ақиби сахна, дар таги дарахтхо, чодир-хаймаи солдатӣ. Дар тарафи рост, дар таги дарахтхо дивани васеи аз чим сохташуда, дар пеши он стол. Дар тарафи рост, дар тахти сояи дарахтхо столи дароз, ки болои он барои ноширо*(Горький. Душманҳо, с. 342) *Мавсими баҳор. Бошишгоҳи саҳро. Шипанги зебо. Аз дурр теппахои сабзу лолазор ва куллаҳои сафеди кӯҳҳо менамоянд. Дар тарафи чап столи рангпарида истодааст. Дар тарафи рост кати чӯбини хурде буда, аз рӯи он шолчанимдошт партофта шудааст. Дар сутуни шипанг телефон овехта шудааст* (А. Сидқӣ. Иродаи зан, с. 5-6). *Весеня пора (Весна). Бригадный полевой стан. Просторная, обвитая виноградной лозой беседка. Вокруг вспаханное поле, убегающее к рдеющим маками холмам. Вдали озаренные ярким весенним солнцем горные вершины в снежных шапках. Внутри беседки стол, окруженный табуретками; напротив стола – деревянная тахта, застеленная паласом. На одном из столбов беседки висит телефонный аппарат* (А. Сидки. Воля женщины, с.8).

В драматургии значимость номинативных предложений усиливается, когда ремарка указывает поведение героев, их душевное состояние.

Сопоставительно-типологическое исследование номинативных предложений содействует осознанному их использованию при переводе, на другой (в частности, таджикский язык).

Все структурно-семантические типы номинативных предложений имеют аналогии в обоих языках. В таджикском языке в научных исследованиях не были выделены **оценочно-бытийные, побудительно-пожелательные и представление-номинатив**, состоящий из имени-основы (**именительный представления - в русском языке**).

Различия номинативных предложений русского и таджикского языков объясняются особенностями порядка слов: в русском языке препозиция определения – это признак односоставности, а для таджикского языка признак односоставности – это постпозиция определения.

Ин чӣ манзараи зебо, ин чӣ водии фараҳафзо! (Чалол Икромӣ. Шодӣ, с. 6). - *Какая очаровательная природа, какая чарующая долина!*

Указательные номинативные предложения в таджикском языке возможны без указательной частицы, в русском языке такого случая не наблюдается.

Поскольку в таджикском и русском языках номинативные предложения имеют одну форму времени глаголов в контексте, (настоящий план), поэтому номинативных предложений нет, когда в контексте говорится о событии в прошлом.

Анализ свидетельствует об активизации в сопоставляемых языках номинативных предложений, что объясняется развитием письменной художественной речи.

Критический анализ истории изучения теории односоставных номинативных предложений в современном русском и таджикском языках показал, что классификация в сопоставляемых языках обнаружила однотипные признаки, что в определенной степени объясняется более

поздним исследованием синтаксиса таджикского языка, что таджиковеды использовали аналогии первоисточников русских лингвистов.

В таджикском и в русском литературном языке происходит количественный рост номинативных предложений. Активизация номинативных предложений увеличивает использование сложных описаний с многочисленными цепочками номинативов в русском и таджикском языке, что, в частности, более характерно для таджикского языка.

Особенно много в сопоставляемых языках номинативных предложений в публицистическом и художественном стилях.

Основные признаки номинативных предложений в сопоставляемых языках являются универсальными. Они имеют место и в других языках мира (японском, китайском...). Специфичны лишь некоторые частные признаки номинативных предложений.

Исследование номинативных предложений в сопоставляемых языках позволяют точнее представить языковую картину мира носителей различных культур.

Сопоставительное изучение номинативных предложений русского и таджикского языков весьма важно в общетеоретическом плане (для выявления в языках еще не изученных признаков и для дальнейшего совершенствования изучения государственного и иностранного языка в школе и вузе, для нужд активизации в современной ситуации переводческой деятельности).

Тема диссертации – это первый объект сопоставительного изучения двух контактирующих языков (русского и таджикского), она может иметь и дальнейшую разработку в сопоставительном плане. Материалы данного исследования могут быть плодотворным источником для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Содержательные и композиционные аспекты предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 5-12.
2. Адмони В. Г. О двусоставности предложения // Учёные записки 1-го ЛГПИИЯ. Вып П. – Л.:ЛГУ, 1955. – С. 147 – 148.
3. Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений. Сочинения филологические. – С. 538.
4. Александров Н.М. К вопросу о предикативности. / Грамматические исследования. Сборник научных трудов. Ч.1. – Л., 1975. – С. 26-34.
5. Александров Н.М. О предикативном отношении. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 133-139.
6. Аминов С. Забони тоҷикӣ. Китоби дарсӣ барои синфи 8. Душанбе, 2007. - 208 с.
7. Анненский А. Ф., Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. // Журнал Министерства народного просвещения. Раздел «Критика и библиография». – 1903. Май. – С. 226.
8. Арват Н.Н. Об аспекте лексического наполнения структурной схемы предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.13-15 .
9. Арват Н.Н. Об изучении односоставных предложений. // Русский язык в национальной школе. – 1977. - № 4. – С. 27-33.
10. Ардентов Б. П. Номинативные предложения в современном русском языке. (На материале художественных произведений). – Кишинёв, 1960. – 154 с.
11. Ардентов Б.П. Русский синтаксис. Вып.1. – Кишинев, 1969. – 334 с.
12. Арзуманов С.Дж., Сангинов А. Забони тоҷикӣ. – Душанбе: Маориф, 1988.– 416 с.

- 13.Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004. – С. 317 – 318.
- 14.Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
15. Бабайцева В.В. Предложение как многоаспектная единица синтаксиса. // Русский язык в школе. – 1984. – №3. - С. 30-34.
- 16.Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 271с.
17. Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык: Теория. Учебник для 5-9 кл. общеобразовательных учебных заведений. – М.: Просвещение, 1982. – 240 с.
- 18.Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
19. Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
- 20.Белошапкова В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения. // Русский язык за рубежом. – 1978. – № 5. – С.55-59.
21. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение,1979.- 416 с.
- 22.Блох М. Я. О различении так называемых глубинной и поверхностной структур предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.16-18.
- 23.Богородицкий В.А.
- 24.Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков. /Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. – М.,1963. – 303 с.
- 25.Бондарко А. В. Функциональная грамматика . – Л.: Наука, 1984 – С. 65.
26. Бондарко А. В. Об актуализационных признаках предложения. /Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.139-154.

27. Будагов Р.А. К теории сходств и различий в грамматике близкородственных языков. / Вопросы языкознания. – №4. – 1980. – С. 3-20.
28. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. - Киев: Радянська школа, 1952. – Т.1. – С. 325.
29. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз., 1959. – 623 с.
30. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – Л.: Учпедгиз, 1941.-248 с.
31. Бухаризода А.Л. Функции местоименных суффиксов в современном таджикском литературном языке: Автореф. дис. канд. филологич. наук. – Сталинабад, 1954. – 16 с.
32. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1962. – 468 с.
33. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: МГУ, 1964. – 435 с.
34. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. // Вопросы языкознания.-1954.-№1.- С.3-29.
35. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. / Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 389-435.
36. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
37. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
38. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975.- 560 с.
39. Войтицкая И. Н. «Именительный представления» и его функции в тексте / Вопросы грамматики и лексики современного русского языка. – М.: 1975. – с. 42.
40. Востоков А.Х. Русская грамматика. Изд.-12-е. – СПб. 1874. –X11.- 216 с.

41. Гак В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология. // Русский язык за рубежом. – 1974. – №3. – С.40-45.
42. Гак В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста. / Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С.37-48.
43. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. / Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М.: Учпедгиз, 1950.- С.302-320.
44. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М.: МГУ, 1958. – 332 с.
45. Галкина-Федорук Е.М. Односоставные предложения в современном русском языке. // Русский язык в школе. – 1959. – №2. – С.11-18.
46. Галкина-Федорук Е.М. О нулевых формах в синтаксисе. // Русский язык в школе.-1962.-№ 2.-С. 6-12.
47. Галкина-Федорук Е. М. Суждение и предложение. – М., 1956. – С. 40 – 50.
48. Галкина-Федорук Е.М., Г.В.Горшкова Г.В., Н.М.Шанский. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1958. – 199 с.
49. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 134.
50. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. – М.: Учпедгиз, 1961. – 302 с.
51. Голайденко Л.Н. Синтаксические способы выражения представления в художественном тексте: автореферат дис... кандидата филологических наук. - М.,1996.-24 с.
52. Готовщикова Н.Э. Оценочные субстантивные предложения в современном русском языке: автореферат дис... кандидата филологических наук. -М.: 2000. – 24 с.
53. Грамматика русского языка. Т.2. Синтаксис. / Под ред. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1954. – 704 с.

54. Грамматика русского языка. Ч.2. / Под ред. В.В.Виноградова. – М.: Наука, 1960. – 702 с.
55. Грамматика современного русского литературного языка. Ч.2. / Под ред. В.В.Виноградова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
56. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 2. – Душанбе: Дониш, 1986. – 372 с.
57. Гулыга Е.В. О семантике предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 21-29.
58. Дворянков Н.А. Язык пушту. – М.: Восточная литература, 1960. – 99 с.
59. Дерibas Л.А., Мишина К.И. Типы предложений в русском языке. – Москва: Высшая школа, 1981. – 168 с.
60. Джаббарова М.Т. Межкатегориальные связи в системе неличных форм глагола: Автореф. дис... доктора филологич. наук. – Душанбе, 2005. – 45 с.
61. Джаббарова М.Т. Система неличных форм глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе: РТСУ, 2005. – 300 с.
62. Джаббарова М.Т. Сравнительная типология русского и таджикского языков: Непрягаемые формы глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе: РТСУ, 2006. – 105 с.
63. Дмитриева Л.К. К вопросу об основной синтаксической единице. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 82-84.
64. Долин Ю. Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). – Оренбург, 1997. – С. 28 – 29.
65. Долин Ю.Т. К вопросу о синтаксической классификации главного члена односоставного предложения. // Русский язык и литература в таджикской школе. – 1994. – №1. – С. 2-7.
66. Долин Ю.Т. Отстаивая научные теоретические основы школьного синтаксиса. // Русский язык и литература в таджикской школе. – 1994. – №6. – С. 25-26.

67. Дрозд Н.В. Именительный темы как особая разновидность номинативных предложений: дис.... кандидата филологических наук. - Москва, 2006.- 165 с.
68. Дручинина П.П. Какой синтаксис нужен школе? // Русский язык в школе. - 1992. - №1. - С. 38- 42.
69. Дручинина Г.П., Онипенко Н.К. К вопросу об односоставном предложении. // Русский язык в школе. - 1993.- №1.- С.22-26.
70. Забони адабии хозираи толик. Синтаксис. - Душанбе: Ирфон, 1970. - 268 с.
71. Забони адабии хозираи толик. Синтаксис. Қисми 2. - Душанбе: Маориф, 1985. - 230 с.
72. Золотова Г.А. О глагольности предложения. / Вопросы синтаксиса русского языка. - Калуга, 1971. - С. 11-16.
73. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. - 351 с.
74. Золотова Г.А. К понятию предикативности. // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л.: Наука, 1975. - С.147-153.
75. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 368 с.
76. Золотова Г.А. О возможностях перестройки в преподавании русского языка. // Русский язык в школе. - 1988. - №5. - С. 37-42.
77. Ивич М. Оппозиция: «Односоставное предложение» - «Двосоставное предложение». // Филологические науки. - 1965. - №4. - С.181-184.
78. Исаченко А.В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных// Исследования по структурной типологии. - М., 1963. - С. 61-65.
79. Ицкович В. А. Синтаксис. / Книга о русском языке. - М.: Знание, 1969. - С. 138.
80. Калонтаров Я.И. Мудрость трех народов. - Душанбе: Адиб, 1989. - 428 с.

81. Камолиддинов Б. Муродифоти синтаксисӣ ва ҳусни баён. – Душанбе: Маориф, 1986. – 136 с.
82. Касымова М.Н. Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI века: Автореф. дис... докт. филологич. наук. – Душанбе, 1979. – 41с.
83. Касымова М. Н., Камолиддинов Б. Маҷмӯаи машқҳои синтаксиси забони тоҷикӣ.- Душанбе: Ирфон, 1976.- 114 с.
84. Кирилова В.А. К вопросу о логической структуре односоставных предложений. / Логико-грамматические очерки. – М.: Высшая школа, 1961. – С.181-202.
85. Кирилова В.А. О компонентах структуры предложения. / Вопросы русского языкознания. Вып.1. – М.: Московский университет, 1976. – С.60-71.
86. Киэда М. Грамматика японского языка. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
87. Кодухов В.И. О двух основных аспектах предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 33-40.
88. Кокорина С. И. К вопросу о грамматической семантике структурной схемы простого предложения. / Спорные вопросы синтаксиса. – М.: МГУ, 1974. – С. 3-33.
89. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 63.
90. Королева А.И. Имя прилагательное в русском и таджикском языках (Сопоставительная характеристика): Автореф. дис... канд. филологич. наук. – Душанбе, 1966. – 28 с.
91. Королева А.И. Имя прилагательное в русском и таджикском языках. (Сопоставительная характеристика): Дис... канд. филологич. наук. – Душанбе, 1965. – 274 с.

92. Кочанова Е.Н. Структура, семантика, функции номинативных предложений в поэтическом языке М.И.Цветаевой: Автореф. дис... канд. филологич. наук.- М., 2009.- 24 с.
93. Кротевич Е.В. Предложение и его признаки. – Львов: Изд-во Львовского ун-та.- 1954. – 41с.
94. Крылова-Самойленко О.А. О предикативности. // Филологические науки. – 1965. – №1. – С. 135 -139.
95. Кубик М. Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешским. – Прага, 1970. – 170 с.
96. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.-157 с.
97. Лекант П.А. Развитие форм сказуемого. / Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 140-154.
98. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1974. – 160 с.
99. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1976. – 143 с.
100. Леонтьев А.А. И.А. Бодуэн де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики. // Вопросы языкознания. – 1961. – №4. – С. 116 -124.
101. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. / Соч. М. – Л., 1952. Т. 7. – С. 267.
102. Ломтев Т.П. Природа синтаксических явлений (к вопросу о предмете синтаксиса). // Филологические науки. – 1961. – № 3. – С. 26-37.
103. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: МГУ, 1972. – 278 с.
104. Люкшин Ю.В. К вопросу о синтаксических позициях односоставных предложений. / Исследования по грамматике русского языка. – Л.: ЛГУ, 1973. – С.128-137.ъ
105. Майорова Л. Е. Именительный представления и именительный темы. – С. 83 – 85.

106. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 510 с.
107. Макроусова О.Ю. Номинативное предложение как единица текста: коммуникативно-прагматический аспект : автореферат дис. ... кандидата филологических наук , 2001. - 24 с.
108. Мельчук И.А. О синтаксическом нуле. / Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. – Л., 1974. – С. 351- 359.
109. Мельчук И.А. Строение синтаксических компонентов описания языка и синтаксические единицы. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.92-100.
110. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.-Л.: АН СССР, 1945. – 196 с.
111. Михайличенко Г.С. Способы и средства выражения русских падежных отношений в таджикском языке. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 272 с.
112. Михайлов М.М. Двужычие и вопросы сопоставительной стилистики. – Чебоксары, 1984. – 84 с.
113. Михальченко В.Ю. Актуальные аспекты сопоставительного описания языка межнационального общения и языков народов СССР. / Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С.48-52.
114. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1974. – 156 с.
115. Мошеев И.Б. О некоторых вопросах сопоставительного изучения языков. // Русский язык и литература в таджикской школе. – 1976. – № 4. – С.24-32.
116. Мошеев И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков: Морфология. – Душанбе: ДГПУ, 1961. – 231 с.

117. Мошеев И.Б. Сопоставительно-типологическое исследование глагольной системы русского и таджикского языков: Система спрягаемых форм: Автореф. дис... докт. филолог. наук. – Тбилиси, 1983. – 49 с.
118. Мухин А.М. О предложении, синтагме и фразе. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.101- 109.
119. Неменова Р.Л. Краткий очерк грамматики таджикского языка. / Краткий таджикско-русский словарь. – Душанбе: Ирфон, 1988. – С.429 -488.
120. Нерознак В.П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический-характерологический-контрастивный). /Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 5-26.
121. Ниёзмухаммадов Б.Н. Љумлаҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Сталинобод, 1960. – 96 с.
122. Ниёзмухаммадов Б. Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1970.–396 с.
123. Ниёзмухаммадов Б., Ниёзӣ Ш., Каримов А. Забони тоҷикӣ. Қисми 2. Синтаксис барои синфҳои 7-8. - Душанбе, 1962.-120 с.
124. Норматов М. Чумлаҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Матбуот, 2001. – 184 с.
125. Норматов М., Рашидов Ш. Омӯзиши чумлаҳои соддаи яктаркиба. – Душанбе: Маориф, 1988. – 152 с.
126. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. - М.:Наука, 1972.- 564 с.
127. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – М., СПб., 1912. – 240 с.
128. Односоставные предложения в восточных языках. – М.: Наука, 1976. – 136 с.
129. Онипенко Н.К. Простое предложение в новом учебном пособии для X класса. // Русский язык в школе.-2001.-№4.- С.24-26.

130. Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса. // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №-2. – С.107-121.
131. Османова Р.М. Номинативные предложения в современном кумыкском языке. Автореферат дис. кандидата филологических наук, -Махачкала: ДГПУ, 2006.- 25 с.
132. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1966. – 211 с.
133. Панов М.В. Русский язык. / Языки народов СССР. Т.1. Индоевропейские языки. – М., 1966. – С. 106-107.
134. Панфилов В.З. Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения. // Вопросы языкознания. - 1977.-№ 4.- С. 37-48.
135. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. – Пб., 1923. – 124 с.
136. Петерсон М.Н.. Лекции по современному русскому литературному языку. – М.: МГПИ, 1941. – 172 с.
137. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1957. – 511 с.
138. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка. Ч.1. – Ташкент: Средняя и высшая школа, 1961. – 111 с.
139. Попов А.С. Именительные темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке. / Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С.256-274.
140. Попов А.С. Развитие номинативных предложений. / Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 322- 343.
141. Попов А.С. Сегментация высказывания. / Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 302-321.

142. Попов А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и её развития. / Развитие синтаксиса современного русского языка. - М.: Наука. – С.95-126.
143. Попов А.С. Изменение в употреблении номинативных предложений. / Развитие синтаксиса современного русского языка. - М.: Наука. – С.74-94.
144. Попов А. С. Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения современного русского литературного языка». – Пермь, 1974. – 116 с.
145. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
146. Потebня А. А. Из записок по русской грамматике. 1. Введение. Составные члены предложения и их замены. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Харьков: Изд. кн. магазина Д. Н. Полуехтова, 1888.
147. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
148. Почтенная Т.Г. К вопросу об односоставных предложениях. // Русский язык в школе. – 1956. – № 2. – С.17 -20.
149. Почтенная Т.Г. Русский язык. Синтаксис. Односоставные предложения. – М.: МГУ, 1966. – 36 с.
150. Проничев В.П. О функционировании односоставных номинативных конструкций в сложноподчиненном предложении. / Функционирование синтаксических категорий в тексте. – Л.: ЛГПИ, 1981. – С.105 -113.
151. Пряхина Л.Ю. Односоставные предложения в современном японском языке: Автореф. дис... канд. филологич.. наук. – М., 1983. – 18 с.
152. Райхель Г.М. Предикативность и предложение. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.160-162.
153. Распопов И.П. К вопросу о предикативности. // Вопросы языкознания. – 1958. – №5. – С. 70-77.

154. Распопов И.П. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке. // Русский язык в школе. – 1968. – № 4. – С. 73-82.
155. Распопов И.П. Сказуемое как конструктивный центр предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.162- 168.
156. Распопов И. П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. – С.240 – 241.
157. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка. / Таджикско-русский словарь. – М., 1954. – С.529-540.
158. Расулов И. Односоставные предложения в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис... докт. филологич. наук. – Ташкент, 1973. – 41с.
159. Рашидов Ш. Простые односоставные предложения в современном таджикском литературном языке: Автореф. дис... канд. филологич. наук. – Душанбе, 1969. – 32 с.
160. Рашидов Ш. Чумлаи яктаркибаи муайяншахс. // Мактаби Советӣ. – 1967. – №7. – С. 58-61.
161. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект- пресс, 1997. – 536 с.
162. Рогова К.А. Современный русский литературный язык: Односоставные предложения. – М.: ЛГУ, 1971. – 46 с.
163. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. – М.: Восточная литература, 2001. – 600 с.
164. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 320 с.
165. Русская грамматика. Т.2. Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1982. – 709 с.
166. Русская грамматика. Т. II. Academia. – Praha, 1979. – С. 686.

167. Русский язык: Учебник для 8 кл. общеобразовательных учреждений. – М.: Просвещение, 1997. – 191 с.
168. Салимов Р.Д. Номинативные предложения русского языка и их соответствия в таджикском. / Материалы Международной научной конференции: Актуальные проблемы преподавания государственного языка. – Душанбе: РТСУ, 2002. – С. 207-210.
169. Салимов Р.Д. Номинативные предложения в русском и таджикском языках/ Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в государствах Средней Азии». – Душанбе: РТСУ, 2005. – С.215-226.
170. Салимов Р.Д. К вопросу о номинативных предложениях в современном таджикском языке. / Ганъинаи сухан. – Душанбе: ТГИЯ, 2006. – С.242 - 257.
171. Самадова Р.А. Проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний в русском и таджикском языках. – Худжанд: Рахим Джалил, 1996. – 231 с.
172. Самадова Р.А. Проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний в русском и таджикском языках: Автореферат дис... докт. филологич. наук. – Душанбе, 1999. – 55 с.
173. Санжаров Л.Н. Отграничение различных типов именных структур от номинативных предложений. / Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вып.2. – 1962. – С.133-148.
174. Седельников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // НДВШ, Филологические науки. – 1961. – № 3. – С. 73.
175. Сиднин И.Н. Изучение типов односоставных предложений. // Русский язык в национальной школе. – 1982. – №3. – С.37-41.
176. Сизова И. А. Что такое синтаксис. – М.: Наука, 1966. – 71 с.
Сиротина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. – М.: Высшая школа, 1980. – 141 с.

177. Скаличка В. Сопоставительное изучение языков. – М., 1974. – С. 3-10.
178. Скобликова Е.С. Односоставные предложения. / Цикл лекций по спецкурсу «Описательный синтаксис современного русского языка». – Куйбышев: КГУ, 1977. – 70 с.
179. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
180. Сквородников А.П. Об эллиптических предложениях в современном русском языке. / Материалы и исследования по современному русскому языку и его истории. – Красноярск, 1967. – С.21-55.
181. Скребнев Ю.М. Несколько замечаний по поводу проблемы универсальной единицы синтаксиса. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.114-121.
182. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.:Изд-во литератур на иностр. языке, 1957. – 286 с.
183. Современный русский литературный язык. – Л.: Просвещение, 1988. – 672 с.
184. Современный русский язык. - М.: Азбуковник, 1997.-928 с.
185. Современный русский язык: Пособие для студентов ссузов пед. профиля. – М.: Дрофа, 2001. – 448 с.
186. Современный русский язык. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.:Просвещение, 1981.- 464 с.
187. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: МГУ, 1958. –С. 310.
188. Современный русский язык. Синтаксис / Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. – С.306, 311 – 312.
189. Солнцев В.М. Установление подобия как метод типологического языкознания. / Лингвистическая типология и восточные языки. – М., 1965. – С. 5-28.
190. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. – М.: Наука, 1968. – 291 с.

191. Стеблин-Каменский М.И. О предикативности. // Вестник ЛГУ. – 1956. – №20, вып.4. – С.133-135.
192. Степанова Т. П. Семантика именительного представления и знаки препинания при нём. – С. 59.
193. Сусов И.П. Формальные и семантические аспекты предложения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.61-68.
194. Сыров И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста // НДВШ. Филологические науки. – 2002. - № 3. С. 59 – 68.
195. Сятковский С.И. О принципах классификации простого предложения в современном русском языке. / Русский язык в школе.– 1965. – № 3. – С. 3-11.
196. Табакова З.П. Синтаксис в новом курсе русского языка. / Русский язык в школе. – 1989. – №3. – С. 48 -51.
197. Успенская Л.В. Основные структурные особенности современного таджикского языка по сравнению с русским языком. / Материалы 1 Межреспубликанской конференции по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах. – Ташкент, 1960. – С.12-21.
198. Успенская Л.В. Сопоставительная характеристика звуковых систем русского и таджикского языков. // В помощь учителю русского языка в таджикской школе. – Душанбе, 1961. – № 2, 3. – С.3-20.
199. Успенская Л.В. Подчинительные связи и их выражение в русском и таджикском языках. / Вопросы филологии. Ч.1. – Душанбе 1989. – С.3-11.
200. Успенский Б.А. Структурная типология языков. – М.: Наука, 1965.–286 с.
201. Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса. – М.: Просвещение, 1972. – 239 с.

202. Фомина Ю. А. Функциональный потенциал номинативных оценочных высказываний в современном русском языке: автореферат дис... кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2009.
203. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т.2. М.: Учпедгиз, 1957. -471 с.
204. Хуснетдинова Р.Я. Номинативные предложения в современном башкирском языке:автореферат дис... кандидата филологических наук. Уфа:Башкирский университет, 1998.- 29 с.
205. Чеснокова Л.Д. К вопросу об элементарной синтаксической единице. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука,1975. – С.121-123.
206. Чиркина И.П. О разграничении номинативных и двусоставных предложений. // Русский язык в школе. – 1961. – № 5. – С.64-68.
207. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика. – М.: Русский язык, 1985. – 239 с.
208. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 258 с.
209. Шведова Н.Ю. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1966. – 210 с.
210. Шведова Н.Ю. Типология односоставных предложений на основе характера парадигм. / Проблемы современной филологии (Сборник статей к семидесятилетию акад. В.В.Виноградова). – М.: Наука, 1965. – С. 282-287.
211. Шведова Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». / Мысли о современном русском языке./ Под ред. акад. В.В.Виноградова. – М.: Просвещение, 1969. – С. 67-80.
212. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. / Русский язык: Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С.3-77.

213. Шведова Н.Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.123-129.
214. Шкловский И.Г. Практический синтаксис японского языка: Элементарное предложение. – М.: Торсинг, 2005. – 765 с.
215. Юдин А.А. Об отличии односоставных предложений от двусоставных. / Ученые записки Рязанского пединститута. Т.30, 1962. – С. 26-42.
216. Юрченко В.С. Односоставные предложения. // Русский язык в школе. – 1996. – № 6. – С. 62 - 66.
217. Якобсон Г.К. К теоретическому обоснованию сопоставительного описания языков. // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 6. – С. 77-80.
218. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков. // НДВШ: Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 5-11.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Айна С. Бухара. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949. - 1985.
2. Айна С. Дохунда. - Сталинабад: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. - 474 с.
3. Ақобиров Юсуф. Замина падарон: /Ду роман. - Душанбе: Ирфон, 1986. - 784 с.
4. Ақобир Юсуф. Земля отцов. - М.: Художественная литература, 1980. - 381 с.
5. Амонов Р. Пушаймонӣ: повест ва ҳикояҳо. - Душанбе: Адиб, 1993. - 176 с.
6. Ато Хамдам Леонид Чигрин. Шахрҳои Абрешим. - Душанбе: Эҷод, 2005. – 280 с.
7. Атобоев А. Шамшери меросӣ. Душанбе: Ирфон, 1984.- 320 с.
8. Ахматова А. Сочинение в двух томах. Т.2.- М.: Правда, 1990. -432 с.
9. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. - М.: Издательский дом Снегиря, 2004. - 512 с.
10. Булгаков М.А. Избранное: Мастер и Маргарита. -М.: Художественная литература, 1988. - 480 с.
11. Булгаков М.А. Пьесы. -М.: Советский писатель, 1987. -656 с.
12. Бунин И.А. Повести и рассказы. -Л.: Лениздат, 1985. - 639 с.
13. Горький М. Рассказы. На дне. - М.: Дрофа, 2002. - 160 с.
14. Горький М. Полное собрание сочинений. Т.7 Пьесы, драматические наброски. - М.: Наука. 1970. - 687 с.
15. Горький А.М. Пьесаҳо. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1956. - 520 с.
16. Горький А.М. Пьесы. - М.: Детская литература, 1986. - 176 с.
17. Гулчехра Мухаммадиева. Буи модар. - Душанбе: Адиб, 2011. – 184 с.
18. Диловари Мирзо. Хунёгар. - Душанбе: Адиб, 2012. - 211с.
19. Дусмурод Уроков. Овора. - Душанбе: Адиб, 2009. - 768 с.

- 20.Зайцев Б.К. Белый свет: Проза. М.: Художественная литература, 1990.- 239 с.
- 21.Замятин Е.З. Избранное. - М.: Правда, 1989. – 463 с.
- 22.Зулолаи Нур. Марг ва Ҳаёт. - Душанбе: Адиб, 2011. – 192 с.
- 23.Икромӣ Ч. Асарҳои мунтахаб: Иборат аз 3 ҷилд. Ҷилди 1. Тирмор ва Ман гунаҳгорам. - Душанбе: Адиб, 1987. - 352 с.
- 24.Кароматуллоҳи Мирзо. Ситораҳои паси абр. - Душанбе: Адиб, 2005. - 520 с.
- 25.Куприн А.И. Сочинения в 2-х т. -М.: Художественная литература. Т.1 Повести; Рассказы, 1981. - 351 с.
26. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. - М.: Дрофа, 2002. - 192 с.
- 27.Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет.- М.: Советский писатель, 1989. - 608 с.
- 28.Муҳаммадиев Фазлиддин. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди 1. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 556 с.
- 29.Муҳаммадиев Ф. Осори мунтахаб иборат аз панҷ ҷилд. Ҷилди 2. Повестҳо.- Душанбе: Адиб, 1990. - 448 с.
- 30.Муҳаммадиев Ф. Повести и рассказы. - Душанбе: Адиб, 1988.-384 с.
- 31.Муҳаммадиев Ф. Повести. Рассказы.- М.: Художественная литература, 1976. - 349 с.
- 32.Насриддинов Б. Ман фарзанди туам. /Қисса, ҳикоя ва очеркҳои соҳаи мухталиф). - Душанбе: Ирфон, 1983. -304 с.
- 33.Ниёзи Ф. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.4. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 528 с.
- 34.Ниёзи Ф. Вафо. - Душанбе: Ирфон. 1966. - 391 с.
- 35.Ниязи Ф. Верность. -М.: Советский писатель, 1981. - 559 с.
- 36.Паустовский К. Повести и рассказы. -Л.: Художественная литература, 1985. - 320 с.
- 37.Переписка Бориса Пастернака. - М.: Художественная литература, 1990. - 575 с.
- 38.Проскурин П.Л. Судьба. - М.: Советский писатель., 1979. - 654 с.

39. Раънои Сафарзод. Оинаи зиндагӣ (Зеркало жизни. Рассказы)). Душанбе: Истравшан, 2007. – 89 с.
40. Расулӣ А. Савти Хиромон / Ҳикояҳо.- Душанбе: Адиб, 2004. -160 с.
41. Рыбаков А.Н. Дети Арбата: Роман.- Душанбе: Ирфон, 1988. - 495 с.
42. Саттор Турсун. Санг дар бағал ба тӯфон: Қисса, ҳикояҳо, андешаҳо. - Душанбе: Адиб, 2002. - 288 с.
43. Солженицын А. Раковый корпус. -М.: Художественная литература, 1990. - 462 с.
44. Субҳонов Э. Донаи умед: Маҷмӯаи ҳикояҳо.- Душанбе: Ирфон, 1985. - 144 с.
45. Сайдалӣ Маъмур. Давлати дидор: Душанбе: Адиб, 2014. – 624 с.
46. Сайдахмади Зардон. Вахш. - Душанбе: Илм, 2012. – 608 с.
47. Сайф Рахимзоди Афарди. Чашми сахар. -Душанбе: Адиб, 2014. - 192 с.
48. Самад Абдулхамид. Шахдрези садо, қиссаҳо. – Душанбе: Адиб 1997. -144с.
49. Саттор Турсун. Зимистони умр. Қиссаҳо, ҳикояҳо, андешаҳо. Душанбе: Адиб, 2006. - 642 с.
50. Сидқӣ Агзам. Иродаи зан. Пьесы. Душанбе: Ирфон, 1965. - 208 с.
51. Сидқи Агзам. Сердце у каждого одно. М.: Советский писатель, 1977. - 224 с.
52. Сорбон. Занги аввал. - Душанбе: Ирфон, 1972. - 255 с.
53. Султон Сафар. Шарораи Хучанд (Заря Ходжента). Душанбе: Ирфон, 1981. - 240 с.
54. Толстой А.Н. О литературе и искусстве. – М.: Советский писатель, 1984. - 560 с.
55. Толстой Л.Н. Война и мир. -М.: Художественная литература, 1983. - 832 с.
56. Толстой Л.Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди 2. Ҷанг ва сулҳ. - Душанбе: Ирфон, 1980. - 492 с.

57. Толстой Л.Н. О литературе и искусстве.- М.: Советский писатель, 1984. - 560 с.
58. Тургенев И.С. Записки охотника. - М.: Художественная литература, 1985. -254 с.
59. Улуг-заде С. Утро нашей жизни. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. -311 с.
60. Улуғзода С. Субҳи ҷавонии мо.- Сталинобод, 1956. - 362 с.
61. Чехов А.П. Собрание сочинений. Т.2. М.: Художественная литература, 1954.- 503 с.
62. Шмелев И.С. Избранное. М.: Правда, 1989.- 686 с.
63. Шолохов М. Асарҳои мунтахаб иборат аз ҳашт ҷилд. Ҷилди 5. Заминаи қорамшуда. - Душанбе: Ирфон, 1980.- 384 с.
64. Шолохов М. Асарҳои мунтахаб иборат аз ҳашт ҷилд. Ҷилди 6. Заминаи қорамшуда.- Душанбе: Ирфон, 1981.- 420 с.
65. Шолохов М.А. Асарҳои мунтахаб: Иборат аз ҳашт ҷилд. Ҷилди 7. - Душанбе: Ирфон, 1981. - 268 с.
66. Ходизода Р. Сапедадам. Повесть ва ҳикояҳо. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 240 с.
67. Ҷалил Р. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.4. Одамони ҷовид. - Душанбе: Ирфон, 1987.- 458 с.
68. Ҷалил Р. Ҳикояҳо (рассказы). Душанбе: Ирфон, 1970. -118с.
69. Шохмузаффар Ёдгори. Васваса. - Душанбе: Адиб, 2010. – 312 с.
70. Юнус Юсуфи. Шинак. - Душанбе: Адиб, 2012. - 272 с.